

Мирзэ Фэтэли
АХУНДОВ

А.С. ПУШКИНИН
ӨЛҮМҮНЭ

ИДР
ПОМАСЫ

М. Ф. АХУНДОВУН
АНАДАН ОЛМАСЫНЫН 175 ИЛЛИННЭ
К 175-ЛЕТНЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. Ф. АХУНДОВА

Мирза Фатали АХУНДОВ

НА СМЕРТЬ
А.С. ПУШКИНА

*ВОСПОМИНАНИЕ
ПОЭМА*

Мирзә Фәтәли АХУНДОВ

А.С. ПУШКИНИН
ӨЛҮМҮНӘ

*ШӘРҲ
ПОЭМАСЫ*

Мүгәддимә

Предисловие и редакция
СИХАЛИ КУРБАНОВА

Издание 2-е,
переработанное и дополненное
ИЛЬГАРОМ КУРБАНОВЫМ

«...Әсәл шаирләрин әсәрләри өз тәрәватини
итирмәјиб, әбәди чаван галыр».

А. С. Пушкин

Азербайжан әдәбијаты өз ичтимаи фикри тарихинә бөјүк јазычы,
драматург өз материалист философ кими дахил олмуш Мирзә Фә-
тали Ахундовун көркәмли хидмәтләриндән бири дә онун рус өз
Азербайжан халғары арасындакы гәрдашлығ өз достлуғ элағларини
мәһкәмәндирилмәси угрунда јорулмадан мубаризә апармасы
иди.

Бөјүк сәмәткар бу сәһәдә фаалијәтә даһи рус шаири А. С. Пуш-
кинни өлүмүнә һәср етдији илк мәтбу әсәри илә башламшыдыр.
Мәтбуатда «Шәрг поемасы» ады илә мәшһур олан бу әсәрлә кәчк
Мирзә Фәтали (Сәбуһи) А. С. Пушкини бүтүн шәрг әләминә јәгәдм
етди. Әсәр илк дәрҗә «Московски набјудател» журналынын 1837-чи
ил март нөмрәсиндә мұәллифин өз тәрчүмәсиндә дәрҗ олунду¹. Кәчк
шаирә һөрмәт нишанасы оларағ журнал тәрчүмәни олдуғуну кими мұ-
әллифин јығмағ гәјдәри илә бирликдә чәп етмиши. «Московски
набјудател» әсәр һағында журнала мусбәт рәј кәндәрмиш,
И. И. Клементјевлә «тамамшыла шәрик олдуғуну» билдирәрәк ону
«Пушкинин гәзри үзәринә сојулмуш надир чичәјә» бәһәзләмиши.
Әсәрлик Москва ичтимаијәтинә бағышладығы тә'сирли И. И. Клемент-
јевин Москва университетинин профессору, «Московски набјуда-
тел»ни нәширдә јахындан иштирак едән С. П. Шевырјова јаздығы
мәктубдан да көрмәк мүмкүндүр. И. Клементјевин мәктубу (27 мај,
1837-чи ил) бу сөзләрлә башлајырды: «Мәрһәмәтли чәнаб Степан
Петрович! Сизин ләзәм билиб мәнн јад етдијимиз мәктубда Шәргки
рус тәһсилинә чак атам кәчк шаирлини шә'риндән зәвғ алдығыннызы
охумағ мәнә сон дәрәкә хош иди».

А. С. Пушкинин фақиәли өлүмүнә Русијада онларла әсәр һәср
олунмушдур. Өлмәз шаирин ләјгәтли вариси М. И. Лермонтовун

Ахундов М. Ф.

А 95 На смерть Пушкина. Восточная поэма. — Баку:

Э.лм, 1988. — 148 с.

ISBN 5—8066—0010—6

«Восточная поэма» М. Ф. Ахундова, вошедшая в золотой фонд
азербайджанской поэзии, была написана вскоре после трагической
гибели А. С. Пушкина.

Данное юбилейное издание представляет собой сборник, включаю-
щий 21 перевод «Восточной поэмы» на язык народов СССР. Второе
издание дополнено и подготовлено к печати И. Курбановым.
Книга предназначена для широкого круга читателей.

А $\frac{4702060100-57}{655(2)-88}$ 10-88

С(Аз)1

¹ «Шәрг поемасы»нын бу тәрчүмәси, еләчә дә «Русскәја старина» журналында өз «Петербургски листок» гәзетиндә дәрҗ едилмиш тәрчүмәләр Әләвалардә верилмишидир.

усјанкар ше'ри мустасна едиларса, бунларин неч бири М. Ф. Ахундовун эсэри гэдэр кениш јайылмамышдыр.

«Шэргэ поемасы» «Московский наблюдатель»дэ дэрг олундан сонра да узун иллар Руссија матбуатинин дигэгетини өзүнэ чэлб етмэкдэ иди.

1874-чу илдэ «Русскаја старина» журналы поеманын Бестужев-Марлински тарафиндан редактэ едилмиш варианттын чал етди. Журнал эсэрлэ бирлихдэ машыр шаршунас Адолф Берженин М. Ф. Ахундов өз Бестужев-Марлински хагемдэ эмса ма'луматтын да вермишиди. «Русскаја старина», эсэри «Пушкинин өлүг хабаринин тэжкэ дахили Руссияны дејил, бөүк Руссиянын учкарларында јашајан мусулман эһалисини дэ сарсымдыгынн сүбүт едэн шаирани иччиларин мүмунэси кими» гүжмэтлэндирмишиди.

Бестужев-Марлинскинин «Шэргэ поемасы»нын тэрчүмэси үзэриндэ ишлэмэси тасадуфи дејилди. Эсэр өз руһу е'тибарлаш Пушкинин фачили өлүг хабариндан сарсымыш Бестужев чох јахын иди. О, бу хабэри ешидэнэн сонра Тифлиседн гардаш М. Бестужев јазымшид: «...Көзлэнилмэдэн су вермиш Нэр һансы бэдбэхтэлик үрөјин дэринликлеринэ бирдэн-бирэ ишлэмир... айма бир нечэ саатдан сонра сакит бир кушэјэ чэкилэндэ кэдэрин эһэри иксинин бэднинэ јайлыр. Ман бүтүн кечэни көзүм јуммадым...». Бу сөтирлэр бизэ «көзүндэн јукуну клар еди, гаранамэ кечэдэ» өз кэдэри илэ үзбэүз отурмуш кэн Сэбуһини өсијэјитини хатырладыр.

1880-чи илдэ Москвада А. С. Пушкина гојулмуш һејкэлин ачылышы мунасибэти илэ «Петербургски листок» гэгэти «Шэргэ поемасы»нын А. А. Соколов тарафиндан едилмиш тэрчүмэсини чал етди. Бу тэрчүмэ эслиндэ келли сарбаст оло да, Ахундовун эсэрин рус дилинэ ше'рлэ тэрчүмэ етмэк саһэсиндэ илэ тэшбэбүз кими гүжмэтландыр.

«Шэргэ поемасы» сонралар «Тифлиски листок» гэгетинин «Әдлэ-өзлэри»ндэ, В. В. Калашин «Пушкиниана»гымдэ дэрг едилер. Тэжкэ «Гафоз» гэгетиндэ бу эсэр ики дэфэ 1874 һэ 1899-чу иллардэ чал олунмушиду. Һазырда эсэр ССРП хагаларынн 20-дан артык дилинэ тэрчүмэ едилэрэк, милјонларла охунчунин мал олмушиду.

«Шэргэ поемасы»нын жејдана кэлэјини вахтдан 125 ил кечир. Лакин о өз ма'на өз тараватини зэрра гэдэр итирэмшишиду. Бу эсэрин белэ јашамасынын, кениш мијасдэ јайылмасынын бир сөзби онун јүксэк сэнаткарлыгэ јазылмасыдырса, дикэр сөзби даһи рус шаиринэ олан умужкалэ мәһаббатдыр. Бу мәһаббат иса эсэрдэ һэж бөүк баһарыс, һэж дэ сонсуз сэнимијэтлэ тараннуј едилмишиду.

Ма'лумдур ки, кечэн эсрин 30-чу иллардэ, һэ јердэ олдуғу кими, Азербайжанда да бөүк шаирин јардымчылыгына марог кетдикэ артымада иди. А. С. Пушкинин Әрзуға сјајэти эманни азербайжамалар хагемдэ етдијини, онун 1829-чу илдэ рус-түрк

муһарибасындэ русларла чи'н-чијинэ вурушан Фэрһад бэјэ, Азербайжан шаири Фазил хан Шејраја һэср етдијини ше'рлэри, өз јардымчылыгында дөһэ-дөһэ Азербайжан сөзлэринэ мурачат етмэси бу ма-

рагын гаршыллыгы олдуғуну сүбүт едирди. Тасадуфи дејилдик ки, Азербайжан хагалы Пушкинин өлүм хэбэринин агыр бир итки кими гаршылады өз өз кэдэрини усјанкар тэбибэтли Сэбуһинин ше'риндикли калаларла ифадэ етди. М. Ф. Ахундовун өз эсэрини «Матам гэгидеси» адланымжасы тасадуфи дејилди. Заһирин бу эсэр өзүнэ гэдэрг Шэргэдэ кениш јайлымыш гэгидэјэ бэнзэсэ дэ, дэрин ма'насы е'тибарилэ истар Азербайжан, истарсэ дэ Шэргэ үчүн јени иди. Кэч Сэбуһи А. С. Пушкинин фачили өлүмүндэн алдығы тээссуратла јаздығы «Матам гэгидеси»ндэ көз јашы төкмэклэ кифајэтлэнир. О, даһи шаирин гүжмэтли һајатына гэгэд едэн «дүңја гүлдүрүна» гаршы өз е'тираз сэгини үчалдыр:

Рус торпағы сонсуз кэдэрлэ аглајараг дејир:

Еј чинэјэткар гатлини өлн илэ өлдүрүлүши...

Эсэри шэрти оларэ ики һиссэјэ бөлмэк олар. Биринчи һиссэ шаирин гэмэ батмыш үрөјинэ мурачатиндан ибаратдыр.

Шаирин үрөји о гэдэр кэдэрландыр ки, баһар һэсини илэ ојанмыш табият бэдэ онун руһуну охшамалаг очилдыр. Нэ чөлүн бэзэнмиш кэлини, нэ «нэркисини хумар көзлэрини гашамдыран јасэмнэ-лэрлэ бэзэнмиш чэмэлики», нэ «имдијиндэ күл лэчэји апаран булбул», нэ дэ «күшлэнэ су чилэмэк үчүн һазыр дөјанмыш баһар булдулары» — бир сөзлэ, һеч бир шеј шаирин үрөјини бу кэдэрдэн хилас едэ билмир.

Бу сонсуз кэдэрин сөзби «сөз усталарн ордусунн бачмысн Пушкинин чинэјэткар гатлини эли илэ өлдүрүлүшиду».

Эсэрин иккинчи һиссэсиндэ шаир Пушкин дүһасынын бөүкүлэјүндэн, онун ше'рэгетини бүтүн дүмјанин тутдугундан бэлс едир. О, бөүк сэнаткарын өлүг хэбэринин «бүтүн гочалары өз чаванлары гэмлэ јолдо» етдијини үрэк агрысы илэ хэбэр верир. Бу һиссэдэ шаир Пушкинин бу вахта гэдэр һеч бир сэнаткар тарафиндан тақрар едилэмши сүрэгтини јаратымышдыр.

Кэч Сэбуһинин бу эсэрдэ тэжкэ Пушкинэ дејил, Руссиянын Ломосов, Державин өз Карамзин кими көркэмли сималярна вердији јүксэк гүжмэт бөүк рус тэнгидичиси В. Г. Белинскинин онара вердији гүжмэтлэ сөзлэширди. М. Ф. Ахундов бу көркэмли сималярин Пушкинин лајилли сэлэфлары олдуғуну гејид едэрэк, Пушкини јени иллал рус эдбэјитинин бачмысн адландырдыр. Бу эсэриндэ М. Ф. Ахундов тэжкэ өз муасирлэринин дејил, бэлкэ бүтүн кэлэчэк нэсиллэрин Пушкин дүһасына олан мәһаббат өз еһтирамыны вермишиду. Азербайжанын хагалы шаири Сэмэд Вурғун хагал оларэ јазымшидыр: «Биз, даһи М. Ф. Ахундовун буюккүк евалдары... фэзр

едирик ки, Пушкинин дунја поезијасындаки эһмијјетини о заманкы Шэргдэ дүзүкүн баша дүшкн өз сәһмијјетлэ тәрәннүм едн мәнз бөјүк Мирзэ Фәтәли олмушдур. Бу мәнәли, мейрибән өз сәһмиш сөзләр үчүн она һәжиш миннәтдарык.

Әлбәттә, «Шэрг поемасы» М. Ф. Ахундовун рус әдәбијјатына бәсләдији мәнәббәт өз рәғбәти сүбүт едән јекәнә ажил дејилдир. О, бүтүн һәјәти боју габагчыла рус әдәбијјаты илә руһән бағлам олмушдур.

Совет дәврүндә өлкәмизин гардаш халқлары арасындакы мәдәни әлағәләрин инкишафы үчүн даһа кениш имканлар јаратылмышдыр. Мәнз бизим зәманәмиздә гардаш әдәбијјатларын гијмәтлә күмүнәләринин бүтүн совет халқларынын малә олмасын үчүн һәр чүр шәраит вардыр. М. Ф. Ахундовун «Шэрг поемасы»нын олу-чулара тәғдиш етдијимиз бу китабда топланмыш ССРИ халқларын йилләринә едилмиш тәрчүмәләри буна эн парнас мисал ола биләр. Һәжиш тәрчүмәләрлэ танымшыла кәстәрив ки, һөрмәтлә мутәрчила-

рин һәр бири өзүнә мәнхүсә усталыла Ахундов ше’рина хас олан кө-зәләк, мәнә өз тәрәвәти сахламага чалымышдыр. Биз әжиш ки, бу нәчиб ишдә онлары руһландыран А. С. Пушкинин өлмәз дуһасы илә бәрәбәр, Шэргин даһи оғлу М. Ф. Ахундова бәсләдикләри бөјүк һөрмәт өз мәнәббәт олушдур.

Предисловие

«Произведения истинных поэтов оста-
ются свежими и вечно юны».

А. С. Пушкин

Одной из заслуг М. Ф. Ахундова (Сабухи) — великого писателя, драматурга и философа-материалиста — является его неутомимая, кипучая деятельность в области укрепления дружеских и братских связей между азербайджанским и русским народами. Начало этой благородной работы было заложено его замечательным произведением на смерть А. С. Пушкина, известным в литературе под названием «Восточная поэма», которое было написано вскоре после смерти поэта. Это первое печатное произведение Мирзы Фатали было счастливым началом всей его деятельности. Молодой поэт впервые на Востоке воссоздал бессмертный образ гениального представителя русской и мировой литературы. Поэма впервые была опубликована в мартовском номере журнала «Московский наблюдатель» (1837 г.) в переводе самого автора¹.

В знак уважения к молодому Ахундову журнал напечатал поэму без каких-либо изменений, снабдив ее примечаниями автора. Вполне разделяя мнение И. И. Клементьева, приславшего в редакцию положительный отзыв о поэме М. Ф. Ахундова, журнал назвал это творение «прекрасным цветком, брошенным рукою поэта на могилу Пушкина» и пожелал успехов замечательному таланту.

Письмо И. И. Клементьева профессору Московского университета С. П. Шевыреву, принимавшему активное участие в издании «Московского наблюдателя», является еще одним доказательством того, какое впечатление произвела поэма на московскую общественность. И. Клементьев писал: «Милостивый государь Степан Петрович! Мне чрезвычайно приятно было прочесть в письме, которым Вам угодно было почтить меня, выражения того удовольствия, какое произвели на Вас стихи молодого поэта Востока, стремящегося к русской образованности».

¹ Этот перевод, а также следующие переводы «Восточной поэмы», опубликованные в «Русской старине» и «Петербургском листке», даны в приложениях.

РУССКАЯ СТАРИНА

В России были написаны десятки произведений, посвященных памяти поэта. Однако ни одно из них, за исключением стихотворения М. Ю. Лермонтова, не пользовалось столь большой популярностью в народе и широкой известностью в печати, как творение М. Ф. Ахундова.

В 1874 г. «Восточная поэма» вновь появилась в печати, на этот раз в журнале «Русская старина» в редакции А. Бестужева-Марлинского. Журнал напечатал также краткое сообщение известного ориенталиста Альфреда Берге об авторе поэмы и его переводчике. «Русская старина» высоко оценила поэму Ахундова. В сообщении от редакции говорилось: «Ниже приводим примеры из этого интересного поэтического перла, свидетельствующего о том, что кочевия Пушкина... потрясли своей неожиданностью не одну лишь Внутреннюю Россию, но произвели впечатление на ее мусульманское население в одной из отдаленных окраин Великой России...».

Интерес А. Бестужева к поэме М. Ф. Ахундова не был случайным. «Восточная поэма» по своему духу была близка Бестужеву, потрясенному трагической гибелью великого поэта. В письме своему брату из Тифлиса он писал: «...Всякое внезапное несчастье не вдруг проникает в глубины сердца... но через несколько часов, в тиши и уединении ночи, до горечи львается внутрь. Я не сомкнул глаз во всю ночь...» Эти строки удивительно созвучны с началом поэмы М. Ф. Ахундова.

«Не придавая очей сну, сидел я
в темную ночь...»

В 1880 г. в связи с открытием памятника А. С. Пушкину в Москве поэма Ахундова в переводе А. А. Соколова появляется в газете «Петербургский листок». Перевод этот был нескольковольным, однако он заслуживает внимания, являясь первой попыткой перевести «Восточную поэму» в стихах.

Поэма М. Ф. Ахундова в дальнейшем не раз издавалась. Она была напечатана в «Иллюстрированном прибавлении» к газете «Тифлисский листок», в «Пушкиниане» В. Каллаш. В газете «Кавказ» она появлялась дважды — в 1874 и 1899 гг. В настоящее время имеется более двадцати переводов «Восточной поэмы» на языки народов СССР.

125 лет отделяет нас от дня создания этого замечательного произведения, но оно по-прежнему свежо и великолепно.

Причина столь широкой популярности «Восточной поэмы», с одной стороны, объясняется высоким мастерством М. Ф. Ахундова, а с другой стороны, она связана с громадной любовью к гениальному русскому поэту. К концу 30-х годов прошлого столетия интерес

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1874 г.

ТОМЪ ХІ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. С. Вильямса (Вольная Одетская, д. № 49—3).

1874.

МОСКОВСКИЙ

НАБЛЮДАТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МАРТЪ — ВТОРАЯ КНИЖКА.

МОСКВА.
1837.

к творчеству Пушкина в Азербайджане, как и всюду, возрастает. Заметки великого поэта об азербайджанцах во время путешествия в Эрзурум, его стихи, посвященные храброму вичи-азербайджанцу Фархад-беку, проявившему себя в русско-турецкой войне в 1829 г., и азербайджанскому поэту Фазилхану Шейди, неоднократно обращение в своем творчестве к азербайджанским словам — все это говорит, что этот глубокий интерес был взаимным.

Трагическая гибель великого поэта была воспринята в Азербайджане, как тяжелая невзвратимая утрата. Азербайджанский народ свое негодование выразил «стонем в стихах Сабухия». И не случайно М. Ф. Ахундова назвал свое произведение «Элегической тьмой». Хотя внешне оно мало чем отличалось от касиды, популярной на Востоке, но по своему глубокому замыслу было совершенно ново и для Азербайджана и для всего Востока. Молодой поэт в своей оде не ограничивается оплакиванием кончины Пушкина, он поднимает гневный крик против убийц поэта.

«Россия в скорби восклицает о нем:
О, убитый рукою убийцы-злodeя!»

Поэму М. Ф. Ахундова условно можно разделить на две части. Первая состоит из обращения поэта к своему сердцу. Поэт сокрушается, он потерял покой, сердце его совершенно безучастно к окружающему, ничто ~~что~~ не радует: ни «берега ручейков, усеянные фиалками», ни «стель, украшенная как невеста», ни «словес с листком розы в клюве», ни «красавица-зелень, выходящая из-под покрова приха», не могут оторвать поэта от тяжелых мыслей. Что же является причиной этого траура? Не стало Пушкина — главы собора всех земных поэтов!»

Вторая часть содержит ведущую мысль всего произведения. В ней поэт языком сердца говорит о великих достижениях русской культуры, о высоком поэтическом даровании гениального Пушкина, осветившего весь мир поэзии, о том, что смерть Пушкина «сдружила всех старых и малых с печалью и гордостью».

Интересно и то, что оценка, данная в поэме выдающимся представителям русской культуры — Ломоносову, Державину и Карамзину, полностью совпадает с оценкой их великим русским критиком В. Г. Белинским. Далее М. Ф. Ахундов называет Пушкина венцом русской национальной литературы.

В «Восточной поэме» М. Ф. Ахундов выразил думы и чаяния не только своих современников, но и будущих поколений. «Мы гордимся тем, — писал народный поэт Азербайджана Самед Вургун, — что значение Пушкина в мировой поэзии впервые на Востоке было понято и любовно воспето великим Мирза Фитами. Мы ему за это вечно благодарны».

«Восточная поэма», разумеется, не является единственным свя-
зующим звеном между М. Ф. Ахундовым и передовой русской культу-
турой. Духовная связь Ахундова с этой литературой глубока и мно-
гогранна. Она проходит через все творчество великого писателя.

В советское время для развития культурных связей между брат-
скими народами нашей страны созданы самые благоприятные усло-

вия. Именно в наше время стало возможным каждое значительное
произведение братских литератур сделать достоянием миллионов.
Ярким примером этому является перевод «Восточной поэмы» на
многие языки народов СССР, представленный вниманию читателя
в настоящем сборнике. Ознакомившись с переводами, нетрудно убе-
диться в том, что каждый переводчик по-своему сохранил красоту
и прелесть ахундовских строф. И мы уверены, что их в этой благо-
родной работе, наряду с пушкинским гением, вдохновляла великий
любимый к гениальному сыну Востока М. Ф. Ахундову.

در وفات ا. س. پوپوشکین

نداده دید و بنجاب نوشته در شب تار
بجستی بدل ای کان گوهر اسرار
چشده که بلبل گلزارت از نوامانده
چشده که طوطی نطقت نیکیند گشار
چشده که راه سخننجیت شده مسدود
چشده که پیک خیالت بمانده از قید
بهار آمد و دان هر یک از نباتات
جمال خویش بار ایشی کند اظهار

برسم تخمه خوش آمد کنان بر دبل
بسیاران ورق گل گرفت در مشاعر
با پاشی گلشن سحاب بسته کمر
نسیم صبح بعبیر او شده عطار
بصوت نرم سحر که نواست طیور
که از نقاب تراب ای نگار بزه سر آرد
هر آنچه هست تهیدست نیست از هنری
زهر که ام تاسعست اندرین بازار
یکی سخن دلاویز و عشوه جلوه گرا
یکی بنا کند عشقباریش شعار

295861
104

بخش زار شده اطراف جویبار چمن
شکفت غنچه ناری بگلبن گلزار
عروس دشت مزین و راز بهدشتار
پراز جوامه از ناز دامن کسار
نهاده تاج مشکوفه تبارک اندر باغ
نشسته خسرو اشجار با کمال وقار
سران سوسن فزینق بشایدش نوشند
شراب زالد زاهدان لاله با تکرار
چنان زیاسمن آراسته است بزم چمن
که خیره از نگمش چشم ز کس خار

کنون ندانمت آخر ملولیت ز کجاست
 کنون چرانی چو ماتم زده غمین و فیکار
 جواب داد که ای مونسم به تنهائی
 مراد گر پس از این در مدار خود بگنجد
 چو شاهان چین من هم از بد استم
 که هست باد خزان از پی نسیم بهار
 بدان به تیغ زبان قامت سوار سخن
 ز بهر نام بسیار استم درین پیکار
 ولی مراشده معلوم بیوفائی ز دهر
 مال عاقبت خویش و جور آن غدار

همه بدوق و طرب وقت خویش مسکند
 وداع کرده در این حال باالم کیمیار
 مگر تو کز فرح و شور بی نصیب شد
 ز خواب خامشی ای دل نمی شوی بیدار
 نه در دولت هوس نی بستر هوی کسی
 زمیل ناموری و خیال شعر کنار
 مگر نی تو همان دل که حسین غوطه ور کی
 به سحر فکری نظم چون در ششوار
 هزار دختر معنی طرفه را وادی
 از آن لالی منظومه زیور گفتار

چه پوشکین که کاغذ شدی سیرور
 که کاشش خامه ویرا فقه بر روش گذار
 خیال داشت بهر گردشش آچون طایس
 هزار نقش غریب از سخنش نمودار
 بحسن طبع بیار است بیت نظم لومو-
 نوسوف خیال وی آنجا گرفت استقرار
 اگر چه ملک سخنرا گرفت دیرز اوین
 بحکم رانی و نطش ولی شد او شمار
 قرمزین ارمی عرفان بکر در جامی
 ولی بخورد وی آن می زکاسه شیریار

نه بخردیست ز مرغی که دیده دگر بشیم
 برای دانند او باز میخورد و تیسار
 صدای شمشاد و او از همنزه تو بدان
 مثال توف درین جوف گنبد دور
 گما خیال دگر دانم آنکه بر اهلش
 چگونه اجد بد این سپهر کوفتار
 مگر تو ای خیمه ز جهان نبشند
 ز پوشکین بخیل ستموران سالار
 چه پوشکین که بهنگام نکته پر در پیش
 صدای مدح ز هر گوشه خاستی صد بار

یک تگرگ سحاب سیاه روان کند
 با مرشان درخت حیات او را بار
 چراغ روح و را کرد تنه باد اهل
 خموش و ساخت بستان جسم او را تا
 به تیشه ستم این باغبان پر برید
 نهال نورس قدش ز صحن این گلزار
 سرش که مخزن گنج معانی دل بود
 ز دور مار طبیعت بگشت خانه مار
 دلی چو غنچه که میخواند بلبل طبعش
 هستی اش بزده سکه کون خاکش خا

گرفت شمرت فضلش جهان بدان گونه
 که شوکت نیکو لای از خطای تا تا تا
 مشار بود با بگشت در فضای شمال
 چنانکه مشرفی ز راست تا تا تا
 پسر بفهم چنان و پسر بطبع چنین
 ز بهفت اب نبرائید و بود ما در چار
 کنون ز من به تعب شنو که این بوین
 نداشتند ز بی مره مر او را عار
 به تیر مرگ وجودش نشانه بنمودند
 ز روزگار وی آورد صد در بیغ و ما

ز ملک باغچه سبز بوی عطر از آن دو گلست
درد بنجاک تو فواره با نسیم بهار
با چشم تو پیر سفید مو قفقاز
بشرای صبحی ترست مائدار

پرید مرغ رویش آتشیان بدن
بگردن سیم الم جسمه صغار و کبار
زین روشن بایس و حزن کند نوحه
که ای قتیل زد دست قنول بد کردار
ترا نکرده خلاص آن طلسم تو حتی
ز شتر ساحری این عجز جادو کار
زدوستان زمینی چو دور افتادی
در آسمان ترا باد رحمت حق یار

А.С. ПУШКИНИН ӨЛҮМҮНӨ

Кече етдим јухуму көзүмдөн көнөр,
Сордум: «Еј сир чешмәси—үрәјим, нә вар?
Нәдән өтмәз бағчанын шейда бүлбүлү,
Нәдән гылмаз нитгинин тутиси көфтәр?
Шејр јолун, сөз јолун јохса касилмиш,
Һаны хәјал гасидин о јүнкүл чапар?
Јаз кәлмиш; һәр тәрәфдә чәмән гызлары
Бәзәниб, чамалыны етмиш ашклар.
Чеврилмиш чајыр, чәмән бәнәфшәликлә
Багда одлу гөңчәләр ачмыш будаглар,
Чөл кәлини бәзәнимиш; даглар онунчун
Әтәк-әтәк чичәкдән чавахир саچار.
Башына тач гојуб да шукуфәләрдән,
Отурмуш ағачларын шаһы пүрвугар
Сүсэн, занбаг ичирләр жалә шәрабдан
Лалә гәдәһләриндә тәклар... тәклар...
Көј чәмәни јасәмән елә донагмыш,
Һәркизин сүзкүн көзү бакса ғамашар,
Димдијиндә төһфәси—күл јарпағымдан
— Хош кәлдин,—дејә бүлбүл өтәр бәхтијар.
Бәстәкәмәр булудлар сулар күлшәни.
Әтирли дан јелләри олмуш бир әттар.
Јумшаг сәсләрлә гушлар дејир сәбәјә:
— Көтүр торпаг пәрдәни үзүндән, еј јар!
Һәсинин әли долу, һәпси севдалы.
Бу базарда нә дүрлү мөтә' десан вар.
Кими көзәллијлә чилвә көстәриб,
Кими фәғанла ејләр ешгини изһар.
Кечирмәкдә вахтыны шәнликлә һәпси.
Һәпси гәмдән, гүссәдән ејләмиш фәрар.
Бу шадлыгдан, еј хөңүл, нәсиссиз галыб,
Сансән аңчаг олмајан ујгудан бидар.

Үрәјиндә һәвәс јох, башында севда,
Долашырсан шөһрәтдән, хәјалдан кәнар.
Сөјлә, сән һаман көнүл дејилмисән ки,
Дүр сөзләрчин фикирләр бәһринә чумар.
Мә на көзәлләриндән өтрү јапардын,
Инчи дүзүмләриндән зијнәти-рүхсар?
Бәс бу маламәт нәдир, бу малал нәдир,
Нәдир варлыға гаршы бунча игбирар?..
Көңлүм деди: «Еј мәним таклик јоллашым
Вар, кет, бир да тохумна һиссимә зинһар!..
Чәмән гызлары кими, мән билмәмишдим
Јаз јелинин далыңча пәјыз јели вар.
Сөз атыны говуб да, гылыңч дилимлә
Адындан һәр тәрәфдә чәкәчәјәм чар.
Бизим ахырымыз да балландир бүкүн,
Бу вәфәсыз дөвранә јохдур е тибар.
Ағылсыздыр о гуш ки, тордан чыхаркән,
Данәјчин олур јенә тора кирифтәр.
Бу нә шандыр ки, билмәм, күчлү сәдасы
Сәма бошлугларында шилдәтлә курлар.
Башга хәјал етмә ки, бәлландир, фәләк
Әһлијлә даим ејләр тәрсинә рафтәр.
Еј дунјадан хәбәрсиз, «шитмәдинми
Сөз ордусу башчысы Пушкиндән ахбар?
О Пушкин ки, нүктәјә башлајан заман
Һәр бучагдан гопарды чошгун алгышлар:
О Пушкин ки, кағыз да гаралаңырды,
Гәләми етсин дејә, үстүндән күзәр?
Хәјалы, товуз кими, бәрли-бәзәкли
Сөздән гәриб нағышлар ејләрди изһар?
Нәзәм евини сусләјән Ломоносовду,
Орда Пушкин хәјалы олду бәргарар.
Державин тутмушдуса сөзүн мүкүнү,
Јериндә Пушкин олду нәзилә мухтар.
Чамә билик мејини төкдү Карамзин
Пушкинә гисмәт олду о чами-күлнар.
Чар кими, Чиндән тутуб Татара гәдәр
Долашырды шөһрәти дијарбәдијар.
Шималын көјләриндә—Шәрг һилалы тәк—
Бармағы бир ишарә ејләрди ихтар.
Бу дилдә, бу закада бир огул һәлә
Көрмәмиш «једди» ата, «дөрд» ана зинһар!

Тээччүблэ динлэ ки, бөjlэ валидејн
Сэрт давраныб, етмэди бу сэртилктэн ар
Ону эчэл охуна нишан гојуб да,
Варлыгыны ејлади өлүм таримар.
Зүлүм, гара булудлардан долу јандырыб.
Төкдү өмүр барыны, етди хакисар.
Сөндүрдү эчэл јели чыраг руһуну,
Сусгуи калачак кими, чисми олду тар.
Ел багында, алинда ситэм күлүнкү
Чаван белнии гырды залим рузикар.
Инчили ма'наларын мэхзэни бир баш
Олмуш илан мөскөни, бир харабазар.
Чисминин јувасындан учду чан гушу,
Бөјүк, кичик гөминдэн чөкди аһу зар.
Бүлбүл, тэб'инэ һәмдәм—гөичө көндүндөн
Хэбэр вермэз торпагдан баш чыхарса хар.
Рус торпагы јас тутуб, фөгөн гылыб ки:
— Еј гатиллэр элилэ өлөн намидар!
Гуртулмадын заманын ганлы шэриндэн,
Тилсимин да олмады сэнэ һавадар.
Сэн ки чыхдын достларын элиндэн, бурах
Үстүнэ паг рөһмэти олсун сәјөдар.
Торпагына сачмага ики күл өтри
Гопар Багчасарајдан бир иичэ рузкар.
Тутулуб бу хабардан аг сачлы Гафғаз
Сәбуһинин ше'риле јасыны сахлар.

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

И сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
— Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!
Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи,
Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!
Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи.
Бутоны алых роз пылают сладострастно.
Фиалки ждут любви. Запенились ручьи.
Вселенная полна желаньями до края.
На самоцветы гор ударили лучи.
А в сердце цветника, как падишах венчанный,
Зеленый кипарис торжественно возрос.
И в честь властителя пьют лилии и маки,
Сверкают в чашечках тюльпанных капли рос.
Поля украшены жасмином, и влюбленный
Нарцисс глаза раскрыл, бессонные от грез.
И в клюве соловья для всех гостей подарки, —
Несет он лепестки ему внимавших роз.
Разбухли облака, хотят пролиться ливнем.
Зефир предутренний мне запах трав принес.
Все птицы на заре поют, щебечут, свищут:
— Земля, зазеленей! Пришла твоя пора!

Все принесли дары на торжище природы:
У каждого нашлась хоть пригоршня добра.

Тот блещет красотой, другой вздыхает томно.
Повсюду пляски, смех, веселая игра.

Все празднуют весну, блаженствуют, ликуют, —
Так беспечальна жизнь, так молодость шедра.

Или не в силах ты от сна очнуться, сердце,
Лишилось радости, не ценишь красоты.

Не хочешь на земле прославиться стихами,
Желанья погребло, забыло все мечты?

Бывало, в поисках заветных рифм — жемчужин
В бездонные моря ныряло смело ты,

Ты украшало мысль сравненьем драгоценным,
И ожерелья строк низать умело ты.

Откуда же сейчас твой беспросветный траур,
Так онемело, так окаменело ты?

— Мой друг, единственный, — мне сердце отвечало, —
Оставь меня в тоске, не говори со мной!

О, если бы забыть, как мотыльки забыли,
Что зимний ураган не медлит за весной, —

Вручило бы я меч наезднику-поэту,
Благословило в путь за славою земной.

Увы, я знаю все о вероломстве рока,
Я чувствую конец неотвратимый мой.

Так прашка видит сеть и знает, что погибнет,
И все ж, безумная, несется по прямой.

Что нашей славы гул, что похвалы за доблесть
Проглочен отзвук их бездонной быстринной.

Не думай о мечтах! С мечтателями круто
Рок расправляется. Он судия дурной.

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина, как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Сверкающий узор той речи переливной
Изменчив, словно край павлиньих синева.

Черток поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познания Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорила весь мир лишь Пушкин-исполин.

Как дорог лунный серп для путников Востока,
Так дорог лик его для северных равнин.

Ни небесам семи, ни четырем стихиям
Такой неведом был необычайный сын.

Но как родившие жестоко поступили
С любимым первенцом, — в отчаянье внемли!

Смертельную стрелой в избранника прицелясь,
Путь крови огненной нежданно пресекали:

Одною градиной по их приказу туча
Роскошный сбила плод, и он лежит в пыли.

Подул смертельный вихрь и погасил светильник,
И кости бранные в подземный мрак легли...

Своим кривым ножом садовник старый срезал
Побеги мощные под корень у земли.

И в череп, в дивную сокровищницу мысли,
Как в черное гнездо, ехидны заползли.

Весь соловьиный сад был в розовых бутонах, —
Там иголы — тернии из праха проросли.

И птица вольная из клетки улетела.
Потоки слез из глаз печальных потекли.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен, — заветным талисманом—
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

Не зімкнувши вік, я просидів ніч,
Серцю докоряв, мав до нього річ:
Чом це ти замовк, соловейку мій?
Чом папуго, твій не лунає клич?
Чом пісням твоїм вже нема доріг?
Чом думкам твоїм линуть вдаль невміч?

Глянь -- весна прийшла, мов дівоча юнь
Розквітає цвіт, його барв не ліч!
У фіалках луг, де струмки течуть,
І троянд суцвіть, мов гірлянди свіч.
Степ-долина вся потопана в цвіту:
Це — дарунок гір з їх квітчастих пліч.

Наче цар дерев дужий дуб в саду
Крону в небо підніс до хмар.
За його життя квіти росу п'ють
З кришталевих тюльпанів-чар.
Так розквітнув сад, так п'янить жасмін,
Що в очах у нарциса жар.
І тримають в дзьобах солов'ї на гілках
Пелюстки із троянд, мов дар.

Хмара дощ на квітних несе,
Повінає вітрець-тепловій.
На світланні співають пташки:
Яр зелена, рости, молодій!

Всі рослини на свято весни
Принесли подарунок свій.
Ті — красою милують зір,
Інші — пахощів ллють напій.

Всі радіють, сміються всі
Безпечальні в порі весняній.

Тільки ти, моє серце, сумуєш одне.
Чому ж спиш в нерозбудному сні?
Чом не мрієш про славу і чому нема
Почуттів палких у твоїй глибині?
Хіба ти, моє серце, не те вже тепер,
Що будило думки і творило пісні —
Ті коштовні слова, що як перлів разки
Осявали окрасою думи ясні?
Звідкіля ж ця печаль, чом замучене ти?
Важко, серце моє, зрозуміти мені.

Каже серце: «Віднині забудь мене ти,
Вірний друже могого життя-самоти.
О, коли б я не знало, що літу услід
Будуть викори осінь колодну нести, —
Я б вручило поетові в руки меча,
Хай у битві тяжкій досягає мети.
Та я знаю, що наш віроломний час,
Не здійснивти бажань, моїх мрій не дійти.

Бачиш, пташко маленька, у сіті зерно,
Будь розумною — в сіть не лети!
Слава, доблесть, як грим — прогрімів і нема,
І зійшов із небес висоти.
Про поезію ти говориш облич,
Віще слово карають кати.

Ти про Пушкіна, друже, хіба не чував —
Полководця поетів усіх?
Про пісні його всюди гриміла хвала
На усіх континентах земних.
За словами його нудьгував папір,
Щоб покритись рядками їх.
Сяйвом райдужним слово сяяло його
Переливами блів чарівних.

Ломоносов поезії палац хвів,
А живе у нім — Пушкін одяв.

Був Державін засновник держави слів,
А володар їх — Пушкін один.
З чаші знань вилив Пушкін вино до дна,
Те, що влив його Карамзін.
Слава Пушкіна славу царя обійшла,
На весь світ її лет — розгін.
Як любимий на Сході місяця серп,
Так любимий на Півночі він.
Від семи небес, чотирьох стяхій
Ще такий не народжувався син.

Але як це не дивно, до нього вони
Безорозно жорстоки були,
Щоб убити його — в його серце палке
Смертоносни стрілу навели.
Темних сил посланець йому груди пробив
Як розбийник, підстрелив із мли.
Дужий вихор згасив його серця вогонь,
В темний гріб його кості лягли.
Ніж артерії юні розсік пополам,
Мов гілки, ті, що цвітом цвіли.
В його череп, де розум, як сонце сяв,
Чорні змії тепер заповзали.
З його серця, де спів солов'я не змовкав,
Терени-колючки проросли.
Відлетів соловейко із серця-гнізда,
Плаче в тузі старий і малий.

Вся Росія голосить над ним:
Його кат ненависний убив.
Врятувати тебе не зміг
Тягасман твоїх дивних слів.
Ти від друзів пішов земних.
Хай же небо почує твій спів.
Хай до тебе Бахчисарай
Шле трояндовий запах вітрів.
По тобі у віршах Мірзи Кавказ
З горя сльози ясні пролив.

НА СМЕРЦЬ А.С. ПУШКІНА

Я не зводзячы вачыма, ноч праседзеў да дзянныцы,
Слухаў сэрца і пытаўся: «Сэрца, тайн маіх скарбніца,

Ты скажы, чаму ў твай кветнік салавей не завітае,
Дзе ён, майстра красамоўства, не спяваючы, лятае?

Кім паззіі крыніца так загачана гвалтоўна,
І чаму твае дятункі прыпынілі ўзлёт раптоўна?

Паглядзі: вясна-красуна у гаях і па дубровах
Зіхаціць і слепіць вочы строем сукняў каляровых.

Ручаіны ўсе ў фіяках, і трава ў расе іскрыцца,
І агністыя бутоны руж паспелі распусціцца.

Ей, нявесце нашых земляў, на маністы і браслеты
Шлюць падножжы гор рубіны і каменні-самашветы.

Яблыня ў вэлюме белым ад камля і да вяршыні
Узвышасца над садамі, як дзяржаўная шахіня.

На вяселлі ў чэсьць нявесты мак з лілей на дасвецці
П'юць расу—нябесны нектар—з нежых кубачкаў
суквеццяў

У прыродзе ўсё квітнее, пах язіну — можна ўпіцца,
Нат нарцыс ад асалоды ў халадку пачаў сляпіцца.

Салавей з вітальнай песняй, першы пеўчы ў гэтым шлюбе.
Просіць пару на каберац — а палёска ружы ў дзюбе.

На зары ў надхмар'і чорным загрузоча навальніца,
Каб на ружы і лілеі спорным дожджыкам праліцца,

Каб жаўрук, прагнаўшы стому, ў прамяністы час
світальны
Дню, як прынцу маладому, праспяваў свой гімн вітальны.

Каб устала ўсё жывое у сваім святочным плацці,
І на торг прыроды несла свой тавар, свае багацце:

Той — пярэстасць апярэння, а другі — крыльца убранне
Трэці — знак свайго кахання — толькі шіхае ўздыханне.

Развітаўшыся з тугою, на прыволлі, на выгодзе
Усе пяюць і час праводзяць на вясёлым, шумным сходзе.

Толькі ты ў глыбокім смутку, у жалобе, ў п'яніверцы,
Скамянела ці заснула ў забыцці спакойным, сэрца?

Як далёка ты ад страсці, хараство табе няміла—
Слава, творчы жар натхнення — нібы ўсё ў табе
застыла!

Ці ж не ты ў глыбіні мыслі, як у мора, самым першым
Паглыблялася, шукала непадробны жэмчуг верша?

Ці ж не ты красуні-думкі параўнаннем аздабляла
І, як пацеркі, радкамі іх адна к адной сіляла?

Я не ведаю прычыны перамен; скажы, чаму так
Зажурылася ты ў смутку, скуль узяўся гэты смутак?»

І сказала сэрца: «Дружа, не турбуй мяне ў самоце,
Мне сягоння лепш астацца сам-насам, у адзіноце.

Нібы кветка лугавая, я і ў думках не гадала,
Што, апроч дыхання мая, бур асенніх ёсць навала.

Я дало тваім пазнам востры меч жывога слова,
Твой Пегас падкуты рыфмай, як рысак— на ўсе падковы.

Я пусціла іх па славу — і табе і мне на радасць,
Хоць і ведала, што век наш — крывадушша, зло і здрада.

Раз забытаўшыся ў петлях, налужаная сініца
Не сіла з яго прынадай — нават куста пабаіцца.

Бо і слава і няслава — скараход такі магутны,
Што, як гром і бліскавіца, і відны здалёк і чутны.

Памаўчы, ніякім словам не суцешыш ты, нябога.
Я то знаю, чым вялікі плаціць нашая эпоха!

Чуў, чым Пушкіну аддзячыла? Не стала чарадзее,
Важака славесных армій, нашай славы і надзеі!

Велікан з усіх вялікіх, ён, узор для ўсіх пээтаў,
Быў кумірам ва ўсім свеце, пуцяводнай зоркай свету;

Пад яго рукою магічнай у маўкліваці пакорнай
Белаліцая папера прагла быць ад мысляў чорнай.

Чарадзейны муляр-кладчык—што ні думка, то цагляна,
Са шматлікасю адценняў, як пяро ў хвасце паўліна.

Сад паззіі аздобіў Ламаносаў дзіўным дарам,
Каб у ім багатым плёнам спела пушкінская мара.

І няхай сабе Дзяржавін хваляваў Алімпа шаты,
Там уладна гаспадарыў геній Пушкіна крылаты.

Карамзін — яру прыйшлося паспытаць з браціны ведаў,
Але же толькі ён, мысліцель, гэтых ведаў смак адведаў.

Слых аб ім прайшоў па свеце ад Карнат за Гімалаі,
Як ад Волгі да Кітая — слых аб рускім Мікалаі.

Светлым розумам свяціў ён цёмнай Поўначы народам,
Як сярпок маладзёковы быў ён нам, сынам Усходу.

З чатырох — ніводнай матчы ад сямі бацькоў-тытануў
Даць людзям такога сына не было наканавана.

А сама прырода-маці і яго бацькі-зладзеі
Абышліся з родным дзіцем як чужынцы-ліхадзеі.

Для стралы тае атрутнай ім не трэбыло нічога,
Апрача свайго дзіцяці, апрача яго самога.

І рука не задрывала у праклятага найміта,
Ведала, ў каго цяляла: сэрца генія прабіта.

Як драбінка градавая з чорнай хмары ў навальніцу
Недаспелы плод збівае, так і куля чужаніцу

Пранізала джалам грудзі і раптоўна абарвала,
Самі дзіўны плод прыроды: быў пээт і ў міг не стала.

Як смерч апустах..лыны зпраметна навалалі
Пагасіў душы свяцільнік, і адразу ноч настала;

Галава яго — скарбонка задумшэўных думак-згадак—
Стала, як сама эпоха, гнездзішчам грымучых гадаў.

Сэрца генія, што колісь пела песняй неўгамонна,
Нібы ружы куст пад колам — ні галінак, ні бутона.

І з наседжанай дамоўкі, з халадзеючага цела,
Пырхнуў дух яго крылаты, і гняздо асірацела.

Ад старога да малаго руская зямля галосіць
І пагібельнай адплаты ўсім яго забойцам просіць.

Скруха вусны разамкнула, чутна злева, чутна справа:
«Нечуванае зладзейства! Нечуваная расправа!»

О, наш Пушкін, талісман твой аказаўся ненадзейны.
Не прыкрыў цябе ад змовы чорнай зграі чарадзейнай.

Ты разлучаны з сябрамі у гняздзе цяпла зямнога.
Хай жа будзе табе цяпла там, за воблакамі, ў бога,

Хай штогод з Бахчысарая ружы подыхам духмяным
Па вясне к тваёй магіле льюць эфір жывым фантамам.

Наш Каўказ, ссвіслы з гора, ад Бештаў да самай Кушкі,
Вершам Сабухі рыдае па табе, бяссмертны Пушкін.

А.С. ПУШКИН ВАФОТИГА

Кўзларимга уйқу келмай, ухламадим кечаси,
Дилга дедим: -- Эй сирларнинг жавоҳир хазинаси!
Нима бўлди, гулчорингда булбулларнинг сайрашмас?
Нима бўлди, сўз тўтиси оғиз очмас бир нафас?
Не сабабдан тўсилгандир шеърятнинг йўллари?
Нега энди юрчани қолди хаёлингнинг чопари?
Баҳор келди. Қараб кўргин: яшилликнинг қизлари
Ясанишиб, балқиб турар жомоллари — юзлари.
Бинафшазор яшнамоқда ирмоқ бўйи чаманда,
Гулнинг олов гулчалари кулимсайди гулшанда,
Безанган чўл келинига тутаини деб тўёна,
Тог тўплабди этагига чечаклардан дурдона.
Дарахтларнинг подишоҳи бошга кўйиб рангини тож,
Бог саҳнида мағрур турар, фукороси гул — ёғоч.
Нилуфар ҳам савсанларнинг бошлиқлари кўтаргай
Шоҳларнинг соғлигига лола жомда шудринг-май.
Чаманларнинг дастурхонин ёсиманлар тузаган,
Хумор нарис унга боқса, кўзи ҳамашар экан.
Бог сайрида кезганларга «Мехмон, хуш келсан!» дея
Булбул элтар чимдимда гул баргини ҳадия.
Гулстонга сув сепай деб қовуштирган булут қўл,
Шабдалар гулшанларга гулоб астрин пуржар мўл.
Тонгда майини овоз билан қушлар бўлиб нағмасоз,
Чақирар: — Эй кўкат қизи, бошинг кўтар, қил пардо!
Бу бозорга келганлардан хунарсизни йўқ асти,
Хар ким бирон мато кўйган, йўқса бунга келмасди.
Бири дилбар ҳусни билан ишва қилар, ноз айлار,
Бири эса ўз ишқини оламга овоз айлар.
Елпасига тўй-тамоша, барчаси ҳам қувноқ, шод,
Бу чог ҳамма «хайр» дейди қайғуларга умрбод...
Сен-чи, эй дил, суюнишдан, шодликлардан йироқсан,
Нахот, жимлик уйқусидан уйғоғмабсан шу чоқ сен?

На кўнгилда хавасинг бор, на бошингда ишк-савдо
Наҳот дебсан шеърятга, шухратларга «алвидо»?
Сен эмасми тиркай десанг назминг аро дурдона,
Тафаккуринг денгизига чўмар экан мардона —
Нижулардан шеър тизиб зебу-зиннат яратган,
Бу совгани минглаб маъно инзларига таратган?
Нега ҳозир паришонсан, айтчи, нима дардинг бор?
Нега бугун гамзадасан, нега маълуд ва абгор?»
Кўнгил менга жавоб берди: «Эй ёлғизлик сирдошим,
Кўйгин мени ўз холимга! Ўз кулфатим ўз бошим!
Агар мен ҳам чамандаги келинчақлар сингаги
Билмасамки, бахордан сўнг эсар хазин еллари—
Агар учсам жангда шухрат топтоқлик чуввосига,
Тил қиличчи қуршатардим сўзлар чавандозига.
Лекин менга аниқ бўлди: замона бивафодир,
Оқибати пуч экандир, иши жабуру-жафодир.
Ахир тузоқ хатарини кўра туриб билган қуш,
Бир доп учун домга тушса унда борми ақлу хуш?
Бу дунёда дабада-ю, шухрат деган қий-чуввос
Баланд гумбаз бўшлиғида ногарадай гап, халос
Кўйгин бошқа хаёлларни, мен-ку яхши биламан:
Аксий фалак хунар аҳлини силамоқда не билан.
Нахотки, сен эшитмабсан, эй дунёдан беҳабар.
Пушкин номли у зотники, шонларга бош раҳбар!?
У Пушкинки, унинг сўзга оро бериш санъатин
Хар бурчакада юзлаб садо оққишларди куну тун,
У Пушкинки, қаламининг остида оқ қозоги
Мисраларнинг сиёҳидан қораймоққа шод-рози.
Товус каби шўх хасли кезганида хуромон,
Сўзларидан минг-минг нақш бўлар эди намоён.
Ломоносос жило берди шеърятнинг уйига,
Пушкин эса ўша уйга бўлиб қолди чин эга.
Гарчи кириб фатҳ айлади Державин сўз диёрин,
Пушкин олди ўша мулкка султонлик ихтиёрин.
Маърифатнинг шаробидан Карамзин жом тўлатди,
Бу лим тўлган май касасин Пушкин ичиб бўшатди.
Николайнинг доғи кетса Чинга, Татаристонга,
Пушкиннинг чин фазилати машҳур бўлди жаҳонга.
Шарқ аҳлига ой ўроғи бўлганидай хуш ирим,
Пушқия қўли Шимол кўнги рамзи эди бежирим.
Бундай зийрак, ақли расо ўғилини ҳаққикатан

А.С. ПУШКИНИҢ ӨЛҮМИНЕ

Укы гелмән гөзүме, аяр гижәниң салы,
Үргемге бердим мен ине шейле совалы:

Нә себәпден багыңда шейда билбил сайранок?
Нә себәпден тоты гуш, дымдың бу гүн ләл ялы.

Нә себәпден кесилди сениң ширин айдымың,
Нә себәпден багланды арзувларың гиң ёлы?

Бахар гелди, гөрсене, мейдан гөйә жуван гыз,
Мүң дүрлн гүл дөшүнде, ялбырап дур жемалы.

Кенарында чешмелен чемеңлер гөк өвсүйәр,
Өвшүн атыр гунчалар, дийсең яжап сабалы.

Чөлүң жуван гелинниң ине ажап шай—сепи,
Кесе дагың этеги гөвхер гүллерден долы.

Гөк агачлар башына гүлден жыга санжыпдыр,
Гөк отларың, чемеңлең патышасы мысалы.

Мейданың гүл-ләлесен япраклаң ак чыгыны
Ичйәр шолан саглыгына, гутлаян дек бу халы.

Баксаң, гөзүң гамашяр гөзеллигге сөхраниң,
Ясеменден читилен гөйә ажап бир халы.

«Хош гелдиңиз бахара» диййәр шейда билбилем,
Чүңкүнде гүл япрагы, дилн ширин сеналы.

Ягжак болуп чемеңе, көпленип йөр ак булут,
Мәхир билен сыпаяр оны сәхер шемалы.

Гушлар сәхер сайраяр шейле нәзик сес билен:
Галдырсана башыңы, ериң сахужемалы.

Туққан эмас түртта она хануз етти отадан.
Энди эшит ва ажаблан: шунча ота ва она—
Унга бағри тошлик килди уялмай, разилона...
Унинг танин мўлжал кўйди улар ўлим ўкига.
Кесишди жон томирини, афсус, инсоф йўк экан!..
Буюрдилар: юзи қора булутдан дўл тўкилди,
Унинг хаёт дарахтидан мева ерга чўкилди.
Ажалнинг тунд ели унинг рух чирогин сўндирди.
Вужудининг ётоғига қора зулмат кўндирди.
Унинг нихол коматини бу гулистон саҳнидан
Кекса боғбон кесиб олди теша билан дафъатан.
Маъноларнинг хазинаси у бошқоса, замона —
Гардишидан энди бўлди илонларга ин-хона.
Таъб булбулин сайратувчи гунча калби чириган,
Энди каранг, бу тупроқдан бош чикарди хор-тикан.
Баданининг уясидан учиб кетди рух куши,
Ғамга ботди бу Ватаннинг хоҳ қариси, хоҳ ёши.
Рус тупроғи аза тутиб марсияда бўзлайди,
«Хароб бўлдинг паст котилнинг дастида!» деб сўзлайди
Шум тақдирдан, шу жодугар кампир деган балодан,
Эсиз, сенинг гилсимларинг бўлмади балогардон.
Олис кетдинг дунёдаги ёронлардан абадий.
Осмоңда ёрлақасин сени таңгри раҳмати!
Боҳчасарой фонтанида бир жуфт гулинг атрини
Баҳордаги шаббадалар элтиб ўпар қабрингни.
Сенинг шеъринг инъомига бу мўйсәфид Кавказ ҳам
Сабудхийнинг байти билан тутмоқда чукур мотам!..

Хер өсүмлик биз үчүн гетирилдир совгады,
Бардыр олаң херсиниң айры-айры зүталы.

Бири гөвүн хошуну беян эдйәр мукамда,
Айдар кәси «ах» чекип калбындакы хыялы.

Хесретлерден арасын ачыпдырлар хеммелер,
Гечирийәрлер вагтыны олар зовкы—сапалы.

Я сен әхли шатлыкдан махрум болуп, йүрегим,
Оялмага укудан ёкмы гөврәң межалы?

Не бир сенде хөвөс бар, не бир сенде арзув бар,
Шөхратлардан, шыгырдан араң узакда хәли.

Сен шол йүрек дәмисин, гошгы үчин гөзлөйән
Дөңзө гирип гөвхери, асмагдан айжемалы.

Гөзөл гызлаң васпыны эдиңдиң сен бир заман,
Дийип гашы сүрмели, алма яңакда халы.

Нәме үчин сен бу гүн өнки ялы жошмаяң?
Етди ничик хесретиң, ничик дердиң зовалы?

Жогап берди йүрегим: Эй, мең ялңыз ёлдашым,
Өз гүнүме гой мени, берме бейле сочалы.

Билмесе-де бахарың гөзеллери, гүллери,
Билйәрин мен гүйз гәлиәр чигрек ховалы.

Эсгерине поэзияң дил ярагын бердим мен,
Бу сөвешде, бу жеңде шөхрат газанар ялы.

Йөне велин, билйән мен, бу яланчы дүйнөмиз
Барып ятан мекхирдир, говгалыдыр—говгалы.

Гөзи билен дузагы гөрүп, дәне чокмага
Барян гушлар самсыкдыр, ёкдур аклы-кемалы.

Батырларың награсы, шөхратларың шовхуны
Гөгүң гүмнүрдисинден дәлдир шейле ыбалы.

Айтма ияңа, билйәрин дөврүң ахылдарларың
Чекйән агыр жебрини, гүн гөрөнок сапалы.

Эшдеңокмы сен эйсем шыгырларың сердары
Бейик Пушкин барада, ничик онуң ыкбалы?

Ады белли шол Пушкин бүтин дүйнөң йүзүнде
Тарыпланып гәли-орди шыгыр язып угралы.

Арзув этди хемише, арзув этди ак кагыз
Шол Пушкиниң элинден болсам дийип сыялы.

Муң бир дүрли өвүсийән тавусдан-да гөзөлдир,
Сетир билен, сөз билен докан овадан шалы.

Ломоносов тимарлап шыгыр көшгүн безесе,
Пушкин онда көшк гурды шейле ажап биналы.

Поэзияң мұлкүни дөретсе-де Державин,
Диңе Пушкин шол мұлки безәп гойды мазалы.

Жама гуйса Карамзин акылларын шерабин,
Пушкин ичди шол жама, зат гоймады новалы.

Николайың адыны татардыр Чин эшитсе,
Эшитди оң адыны бүтин дүйнөңиң или.

Пушкин Демиргазыгың иң акылдар перзенди,
Гүндөгарың гөвхери, тәзө доган хыталы.

Еди ата, дөрт эне догурмандыр шиндилер
Онуң ялы пәлваны, бейле Рустем Залы.

Инди эшит сөзүми, шол аталар, эзелер
Оңа сүтем этдилер, өмүр йитмез ызалы.

Этди олар нышана оны өлүм окуна,
Өлди, шоләң бойнуна галды онуң вебалы.

Гара булдуң асмагдан гачан бирже долусы
Эмри билен шоларың ятырды палач ялы.

Евуз тулап өчүрди онун өмүр чырасын,
Оңа етди сөхөл ер-екеже гулач ялы.

Гожа багбан чөмене айлап салды палтасын,
Шол ажайып даратгын шейдиң омурулды били.

Онуң белент башыны—акыл хазынасыны
Зәхерледи заманаң гара йүрек бет пәли.

Генисине гүйч берен гуңча дейиң йүрегин
Мынжыратды, оң ери демир дикенден долы.

Учуп гитди жан гушы, матам тутуп аглаяр.
Дүньяң оглан—ушагы, дүньяң эркек—аялы.

Өлди-дийип—ол ынсан бир желладың элинден,
Күлли рус аглаяр, акяр гөзден ган сили.

Халас әдебилмеди өз дөреден тумарың,
Жадыгөйиң жадысы әвуз экен нәхили.

Бу ердәки достлаңдан сени айра салдылар,
Хемра болсун ол ерде гөгүң реббим Желили.

Ики гүлүң ысыны гөзәл Бахжасарайдан
Губурыңа гетирер хер бахарың шемали.

Эшдип ажы хабары, шыгры билен Сабухиң
Гожа Кавказ яс тутяр, йүрек—багры ызали.

ДАР ВАФОТИ А.С. ПУШКИН

Надода дида ба хобу нишаста дар шаби тор,
Бигуфтаме ба дид, эй кони гавх,ари асрор.
Чй шуд, ки булбули гулзорат аз наво монда?
Чй шу, ки түттин нутк,ат намекунад гуфтор?
Чу шуд, ки рох,и сухансанч,ият шуда масдуд?
Чи шуд, ки пайки хаәлат бимонда аз рафтор?
Бах,ор омаду, х,он, х,ар як аз баноти набот
Ч,амоли хеш ба оронше кунад изх,ор.
Бунафшазор шуд атрофи ч,үйбору чаман,
Шукуфт гунчаи норй ба гулгуни гулзор.
Аруси дашт музайян варо зи бах,ри нисор
Пур аз ч,авох,ири азх,ор домани күх,сор.
Них,ода точ,и шукуфа ба торақ андар боғ,
Нишаста хусравн ашч,ор бо камоли виқ,ор.
Сарони савсану занбак, ба шодияш нүшанд
Шароби жола зи ак,дох,и лола бо тақрор.
Чүнон зи әсуман ороастаст базми чаман,
Ки хира аз нигох,аш чашми наргиси хуммор.
Ба расми тӯхфа хушомадкунон барад булбул
Ба сонрон варақ,и гул гирифта дар минк,ор.
Ба облошни гулшан сах,об баста камар,
Насими субх, ба таътири у шуда аттор.
Ба савти нарми сах,аргах, навосарост туюр,
Ки аз ник,оби туроб, эй нигори сабза, сар ор.
Х,ар он чй х,аст, тих,идаст нест аз х,унаре,
Зи х,ар кадом матоест андар ни бозор.
Яке ба х,усни дилөвезу ишва ч,илвагар аст,
Яке ба нола кунад ниқк,бозияш ашзор.

Ҳама ба завқ, тараб вақти хеш мегузарад,
 Видоъ карда дар ин ҳол бо алач як бор.
 Магар ту, к-аз фарах, у шӯр бенасиб шуда,
 Зи хоби хомӯшӣ, эи дил, намешаби бедор?
 На дар дилат ҳ, авассе, не ба сар ҳ, авои касе,
 Зи майли номвариву ҳаёли шезъ канор.
 Магар нэй ту ҳ, амон дил, ки ҳ, инни гўтаварӣ
 Ба баҳ, ри фикр пай назми чун дури шах, вор,
 Ҳ, азор духтари маънина турфара дой?
 Аз си лаолини манзума зеvari гуфтор.
 Кунун надонат охир малулият зи куч, ост?
 Кунун чароӣ чу мотамзада гамину фиғор?
 Ч, авоб дод, ки эӣ мўнисам ба танх, ой,
 Маро дигар пас аз ин дар мадори худ бигзор.
 Чу шох, идони чаман ман ҳ, ам ар надонистам,
 Ки ҳ, аст боди хазон аз пай насими баҳ, ор,
 Бидон ба теги забон қ, омати савори сухан
 Зи баҳ, ри ном биёростам дар ин пайкор.
 Вале маро шуда маълум бевафони даҳ, ор,
 Маолни оқ, ибати хешу ч, аври он гаддор.
 На бихрадист зи мурге, ки дладо дом ба чашм,
 Барои донаи ӯ боз меҳурад тимор.
 Садои шух, рату овозан ҳ, дуар ту бидон,
 Мисоли тавф дар ин ч, авфи гунабди даввор.
 Мағу ҳаёли дигар донам он ки бар аҳ, лаш
 Чӣ гуна аҷр дих, ад ин сипех, ри қач, рафтор.
 Магар ту, беҳабарӣ аз ч, аҳ, он, на бишиндӣ,
 Зи Пушкин, ба хайли суханварон солор;
 Чӣ Пушкин, ки ба ҳ, ангоми нуқ, тапардозниш
 Садои маҳ, з, зи ҳ, ар гуша хостӣ сад бор;
 Чи Пушкин, ки когаз шудӣ сняхрӯ з-он,
 Ки кош хоман вайро фитад ба руш гузор.
 Ҳаёл дошт, ба ҳ, ар гардишаш, чунон товус,
 Ҳ, азор нақ, ши гариб аз сухан шудӣ намудор. (?)
 Ба ҳ, усни табъ биёрост байти назм Лиму —
 Нусуф, ҳаёли вай он ч, о гирифт истик, пор.
 Агарчи мулки суханро гирифт Держовини,
 Ба ҳ, укмирониву назмаш вале шуд ӯ мухтор
 Қ, драмзин аз ман ирфон бикард пур ч, оме,

Вале бихӯрд вай он май зи косан саршор.
 Гирифт шӯх, рати фазлаш ч, аҳ, он бад-он гуна,
 Ки шавкати Николай аз Хитой то тотор.
 Машор буд ба ангушт дар фазон шимол,
 Чунонки машрик, иёнрост мох, и тоза шумор.
 Писар ба фаҳ, и чунону писар ба табъ чунин
 Зи ҳ, афт абб назода буд, модар чор.
 Кунун зи ман ба таач, ч, уб шунав, ки ин абвин
 Надоштанд зи бемех, рие мар ӯро ор.
 Ба тигри марг вуч, удаш нишона бинмуданд,
 Зи рӯзори вай оварда, сад дарег, димор.
 Ба як тагарк сах, оби сиеҳ, рӯ афканд
 Ба амрашон дарахти ҳ, аёти ӯро бор.
 Чароғи рӯх, и варо кард тундбоди аҷ, ал
 Ҳамӯшу сохт шабистони чашми ӯро тор.
 Ба тешан ситам ин бобгони пир бурид
 Ниҳ, оли навраси қ, аддаш зи сах, ни ин гулзор.
 Сараш, ки маҳзани ганҷ, и маонини дил буд,
 Зи даври мори табиаат бигашт хонан мор.
 Вале чу гунча, ки мехонд булбули табъаш
 Ба ҳ, астнаш, бизада сар кунун зи хокаш хор.
 Парид мурғи равонаш зи ошъёни бадан,
 Бикард аянси алам ч, умлан сағору кибор.
 Замини рус ба яъсу ҳ, азан кунад навҳ, а,
 Ки, эӣ қ, атил зи дасти қ, атули бадкирдор,
 Туро накард ҳалос он тилисми ту ҳ, атто,
 Зи шарри соҳ, ирини ин аҷ, узи ч, одуқор.
 Зи дўстони заминӣ чу дура афтодӣ,
 Дар осмон туро бод раҳ, мати ҳ, ак, ёр.
 Зи мулки Боғчасаро бӯи атр аз он ду гул аст,
 Дих, ад ба хоки ту фаввора бо насими баҳ, ор.
 Ба аҷ, ри шеъри ту пири сафедмӯ Қ, афқ, оз
 Ба шеърх, он Сабӯҳ, й турсот мотамдор.

А.С. ПУШКИННІҢ КАЗАСЫНА

Жанарымнан ұйқы қашты, қалды адыра салдығым,
Жүрегіме былай дедім: айтып, сыршыл сандығым!

Неге ғана сайрамайды гүл шайыры—бұлбұлың?
Неге тілін беземейді шешен тоты — дүлдiлiң?

Неге сенің жыр бағыңа апаратын жол жабық?
Арманыңның хабаршысын кім әкетті олжа ғып?

Қарасаңшы — көктем келді, қайтты қыстың ызғар.
Түрлі-түске бояныпты қырдың гүлі—қыздары.

Сай-саланы жағаласаң, шоқ гүл жинап аласың.
Шымқай қызыл раушанды жалин ба деп қаласың.

Қалыңдық жасауға сыйға апарар қастерлеп,
Етектегі алуан гүл інжу, маржан тас дерлік.

Жасыл бақтың ортасында гүл таж киген бір ағаш
Шах тәрізді түр тақалпар—емес оның түрі оғаш.

Мәлдір шарап—шық толтырын қызғалдаққа — кесеге.
Саулық үшін ішті көкпар, көгерсін деп көсеге!

Әншәк гүлдер аузын ашып үлбіретен, иіне, ай!
Сенің қарап нарікстердің басы айналған, дүние-ай!

Дегендей-ақ: «қош келісіз! Өзіңізге сыр айтам»—
Сандуғаш та сый секілді тістеп жүр бір райхан.

Бұлттар дайын бақ ішіне бүркуге әтір—жаңбырын,
Жел де жұпар хош иісті, төккен кезде таң бүрын.

Көркем көгал, көтер басты, ағарды өнер, күншығыс,
Күйқылжытты нәзік әнді құмыр бұлабұла—әнші құс.

Табиғаттың базарына алып келген не түрлі
Өсімдіктің бәрінің де тартуы бар қадірі.

Біреулері қылымсыды көзді тартар өңімен,
Білдіреді енді бірі махаббатын демінен.

Бәрі де оның өткізеді өз өмірін шат қылып,
Қайғы мен мұң, көңіліздік—олар үшін жат қылық.

Қуаныш пен сүйініштен қақас қалып, жүрегім,
Қайғырдың ба? Қамықпашы! Мен де жүжіп жүр едім.

Көңілімнің түк қыры жоқ, емге ой жоқ мнұмда.
Даңқ, өлеңді ұмыттың сен, жүрек, осы қиын да!

Табу үшін жыр інжуін қалың жұртың оқитын
Сен емес пе ең кеше ғана кешкен ойдың мұхитын?

Әсем ойға асыл теңеу таба алмаймын демедің,
Жырдан жарға алға тағып, моншақ тізген сен едің.

Енді бүгін қайғы-мұңды қайдан алдың—білмеймін,
Сені мұнша қасіретке душар қылған кім деймін?

Жүрек айтты: жан серігім, мұнша неге тергедің?
Өзім менен өзім болу—енді менің ермегім.

Шабындықтың шешегіндей жанды көзге ілмеппін,
Көктемнен соң қарасуық күз келерін білмеппін.

Айқасқанда атақ үшін, даңқ үшін, күні үшін
Сөз патшасы қару қылар қызыл тілдің қылышын.

Зұлым заман зұлматтықтан бас тартпайды қалай да,
Арманыма жете алмасым аян маған алай да.

Көздің жауын алатұғын жем салды деп ұсақтап,
Өзі шыққан тор-түрмеге қайта түссе, құс—ақмақ.

Бұлтты көкте күн күркіреп шатырлаған секілді
Даңқтың да дауысы зор. Білмейді ол шек-шетіңді.

Қалай шөгіп егілгенін даналары дәуірдің
Сеземін мен. сен үндеме, кәзір сондай ауыр күн.

Сөз әскерін жөнге салған қолбасшы Ұлы Пушкинді
Білмейтұғын білмеймін мен әлі күнге ешкімді

Ол кәдімгі ақын Пушкин жазған кезде өлеңді
Мақтау, атақ жүз аралап, жүз ораған әдемі.

Басы қатты қаламынан күні-түні кешкен жол
Қағаз біткен қап-қара боп қалсам дейтін Пушкин ол.

Қиялы оның мың қылықты, мың бояулы гүл тұрған,
Сөзі оның тотықұстың құйрығындай құлпырған.

Ломоносов жыр сарайын бояуға еңбек арнады,
Сол сарайды мекендеді Пушкиннің кеп арманы.

Державин қарт жаулап алса поэзия өңірін,
Оған жалғыз Пушкин ғана жүргізген де өмірін.

Карамзин кеп толтырған-ды шарабымен ілімнің
Ол кесені сарқып ішкен—Пушкин—досы білімнің.

Тек Қытзйға шейін билсе Николайда жұрт деген,
Оның аты таныс қазір шет елдермен, сыртпенен.

Асып-тасқан ақылымен сүйікті ол Сібірге,
Ал Шығысқа Айдай қымбат жаңа туған іңірде.

Данышпан да, дарынды да, айбынды да, келісті
Мұндай ұлды бұдан бұрын көрмеп еді жер үсті.

Міне осы жер үстінде адамдар бар толы уға,
Ұялмады солар оған тастай қатал болуға.

Таңдады оны, байлады оны суық ажал оғына,
Жүз есе біз қайғырамыз енді ақынның жоғына

Баданадай бір бұршақ кеп қара бұлттан үзілген
Дұшпандардың әмірімен әкетті жер жүзінен.

Өлім құған каскөй құйын жан шырағын сөндіріп,
Кетті ақынның мүрдесіне қараңғылық ендіріп.

Балта шапты бағбан оның тамырына аямай,
Байтақ бақтан бұйырмады оған орын аядай.

Қалды ақыры ойлы басы құрбаны боп лаңның—
Жылан заман қылды оны ұясы улы жыланның.

Дарынның сандуғашы қонған гүлі—жүрегі
Жұлынды да шөңге шықты, шағады ол, кіреді.

Шыбын жаны ұшып беріп денесінен— ұядан
Қасіреттен өртенді де күл боп кетті кей адам.

«Қасапшының қанды қолы ұлы ақынды мерт қылған»—
Дей зарлаған орыс жері кек алуға серт қылған.

Өлең-тұмар жиренішті сиқыр көзден жасырып
Қала алмады—кетті қасың тағы қулық асырып.

Дұшпан ісі саған—ажал, бизге—қайғы, арға—сым
Енді өзіңе аспандағы аллаң ғана жар болсын!

Бақша сарай бағындағы қос райхан егілер,
Көктем бұлаты болып келіп зиратыңа төгілер.

Шашы ағарған Кавказ сені өлтіргенді қарғайды,
Сабухидің өлеңімен жоқтау айтып зарлайды.

А.С. ПУШКИНДИН ӨЛҮМҮНӨ

Көз яртебей отуруп түндө таппай айламы,
Жүрөгүмө мен айттым: эй сырлардын майданы!

Гүлзарынын булбулу эмнеликтен таңсыбайт?
Тоту кушуң неликтен чечен сөздөн салбады?

Чабарманы оюңдун эмнеликтен чаалыкты?
Ырга барчу жолуңду эмнеликтен байлады?

Жаз келгенин карачы—жагалданып жамаланып
Кыз түспөлдүү жаңы өскөн өсүмдүктөр жайнады.

Гүл ачылып, тажысы чоктой болуп кызарат,
Бинапшага толуптур арыктардын жан-жагы.

Чөл келини жасанат, тоолор ага берем деп
Асыл таштан жаралган гүлдөн белек камдады.

Бийик дарак башына тажы кийип гүлдөрдөн
Жыгачтардын шаасындай боюн керет ал дагы.

Соо болсун деп ал дарак башын ийип кызгалдак
Гүл чөйчөктөн шмирген шүүдүрүмгө камбады.

Табигаттын кучагы безенитир жасминге,
Кумар наркит көп тиктеп эстен турат танганы.

«Кош келиңиз» айтам деп булбул белек белеңдеп,
Гүл тажысын тиштептир, күүгө толуп тандайы.

Суу бүркөм деп гүлзарга даяр турат булуттар,
Желлип өтөт аларды жыпардуу жел таңдагы.

Куштар назик үн менен таң атканда сайрашат:
Көркөм көктөм көтөрүл, бизге кулак сал дагы.

Ар бир гүлдүн өзүнчө көркү бар да, баркы бар,
Бул базарга ар бири сулуулугун аридаы.

Бир жайнап назданып, сулууланып суйкөлсө,
Да биринде сумсайган, назик сүйүү бар дагы.

Анын баары мезгилин өткөрүшүп шаттыкта,
Капалыкты көңүлдөн түбөлүккө айдады.

Эй жүрөгүм, сен өзүң кубанчыңдан айрылып,
Ойгоно албай калдыңбы тынч уйкуңан жайдагы.

Көңүлүм суз турамын, же башыма ой келбейт,
Жүрөгүмдү күүлөнтүп ырдын шыгы жанбады.

Чөмүлчү элең жүрөгүм ой көлүңүн түбүнө
Асыл бермет өңдөңгөн ырды кармап алганы.

Сулуу кыздай белеңдеп ойлорумду жасантып,
Бир сабына тизгич элең сөз шурусун жайдары.

Эми билбейм неликтен туш болгонсуң кайгыга?
Аза күттүң неликтен, муңга чумдуң кайдагы?

Жооп берди жүрөгүм: жалгыздыкта жолдонум,
Миңдан нары сен мени өз алдымча кой дагы.

Талаа кызы—гүл өздүү мен билбемин согоруп
Жаз желинин артынан күздүн бороон-карлары.

Сөз атчаны — ырларга тилден кылыч жасатып
Куралданткан даңк үчүн жоого бүлүк салганы.

Мага маалим антсе да ушул зулум заманда
Орундалбай тилегим көрбөстүгүм пайданы.

Акмак куштун иши да: көзү торду бир көрүп,
Кайтара учуп барышы жемге алданып андагы.

Атак-даңктын, эрдиктин шаңдуу чыккан дүбүртү
Күркүрөгөн күнгө окшойт асман-жерди жарганы.

Башка ой айта артыкча, заман кантип, кандайча
Улуу адамын жоктошун билем болуп айтагы.

Эй бейклар, сен айтчы: уккан белең Пушкинди—
Чебер сөздүү аскердин башчысы да ардагы.

Бір жазганда ал Пушкин даңкы чыгып жүз ирет
Дүңгүрөчү жер жүзү анын сөзүн жайганы.

Ал Пушкиндин ак жүздүү кагаздары ыр эңсеп,
Каламды эңсеп, жазса деп сагынчу эле тамганы.

Кыялында акындын кыймылындай тоостун
Ачык эле сөздөрдүн миң кубулуп жайнары.

Ломоносов кетсе да ыр сарайын көркөмдөп,
Ага кирди Пушкиндин кыялынын шамдары.

Сөздүн мүлкүн Державин чогултса да кылдаттап
Пушкин ээлеп ал мүлктү ирет менен кармады.

Шарап куюп акылдан толтурду эле Карамзин,
Ал чөйчөктү түгөтүп Пушкин жутту, калбады.

Николайды билишсе Татар, Кытай арасы,
Пушкинди эми билбеген калды жердин кай жагы.

Ачык акыл жагынан сүйгүнчүгү Түндүктүн,
Күн чыгыштын ал болчу жаркыраган айдайы.

Мындан кыйын акылдуу, мындан кыйын зээндүү
Төрөлө элек эмгиче жараткандын балдары.

Таң калсаң да сөзүмдү ук: аны тууган табигат
Эми кайра уялбай, ага каары кайнады.

Бута кылып атайы тосуп өлүм огуна,
Кан тамырын кескилеп, бычактарын кандады.

Буйрук берип эми алар калың кара булуттун
Жалгыз муздак мөндүрү бак мөмөсүн жайлады.

Кыйын болду бороондун жан чырагын өчүрүп,
Денесине эми анын караңгылык салганы.

Гүлзардагы гүлдөгөн анын өмүр дарагын.
Чаап зулум балтасын кести зулум багбаны.

Анын башын ой толгон, жылан пейил заманы
Уюк кылып жыланга, жылан жыргап-чардады.

Шык булбулу сайраган анын гүлдөй жүрөгү
Солуп, толду тикенге, булбул кайдан сайрады.

Денесинен-уядан учту анын жан-кушу,
Жаш-карылар бүт ыйлап, кайгы тартып зарлады.

«Каза болгон желдеттен эй Пушкин!» деп чакырат
Кайгы тарткан шолоктоп бүткүл Орус аймагы:

Бой тумардай чыгарнаң, сыйкырдуудай азгырган
Суук көздөн өзүңдү сактап, коргой албады.

Алыстадың аргасыз досторундан жердеги,
Асмандагы алланын эми тийсин жардамы.

Бакчысарай фонтаны сенин эки гүлүндөн,
Чачып турар мүрзөңө сууну көктөм айлары.

Сабухи жазган ыр менен аза күтүп өзүңө
Чачы агарды Кавказдын күчөгөндөн арманы.

კუჰპინის ბარდასვალებაჲ

ძიღამკრთალმა ჩემს გულს ღამით
მივართე და ვებუტაუტე:
„გულო! გულო! საიდუმლო
პატიოს-ს თვალთა იუდე,

სთქვი, რა მოხდა რომ ბუღბუღმა
შიატოვ- შინდორო-ველი,
ან ზორაუი ოად დადუძდა
მოეხე და იქერმეჰუველი?

რად შეუწყდა გზა ტკბილ სიტყვას
მონარარე ჰახეთან ერთად,
ან ოცნების იქერი ვისი
ვისთან არის, რად გაჩერდა?

გაზაფხული შემოვიდა...
მცენარეთა ზღვა ქალწული
კველსუბი და ყელს ილეუებს,
მზის აღერსით დაქანსული.

ნაკადულის ნაპირები
ლურჯ ივებით შემოსა,
ცეცხლოვანი ვ.რდის ულორტი
საამოყოდ იწვევს მგოსანს.

ველი მწვანით მოიქარგა,
ტკბილ სურვილებს ფანტავს კრძალვით
და ელვარებს ავირფას თვლებით,
ვით უმანყო პატარძალი.

შუა ბაღში თავმოშწონედ
ამართული მთელი ტანით
ყვავილების ჭილადგული
გადაშლილი ხე-სულთან.

ზამბახი და სუსამბარი
მოსდებია ირგვლივ მდგლოს
და: ყაჯროს თასებიდან
სეამენ იმის სადღეგრძელოს.

ისე კობტად გადინეტა
იასამნის ბუჩქ-ხეხილი,
რომ ნარგვიზი განცვიფრებით
დარჩა თვალმგახეურლი.

თვით ბუღბუღიც გაზაფხულის
ჭარბ აგზნებას ველარ უძღებს,
ტკბილ ნისკარტით ნაზად აწყობს
სტუმრებისთვის ვარდის ფურცლებს.

ცვარნაკრები ცის ღრუბელი
ნამს უგზავნის ყვავილნარებს,
ზეფირი კი სურნელებას
ეზიდება ყოველ მზარეს.

ისისა. ფრთოსანთ გუნდი
ავარდა და ხმა დახლართა:
„ო. მწვანეთის პატარძალო,
- გადაიძრე მიწის კალთა“.

ყველა ერთურთს ეცილება,
ქქმნას სიკეთე საზრახელი,
რომ ბუნების ვაშლილ ბაზარს
მიეგებოს საესე ხელით.

რიგი აფენს სიღამაზეს, —
რაცეფების გულის მკოდავს, —
რიგი მღერის, რიგი ოხრავს,
რიგი ტრფობის ლექსებს ბოდავს.

ო, შენს გარდა, გულო ჩუპო,
ყველა ლაღობს მზიარულად,
კაცმანი აღარა აქვთ
ერთმანეთის ზიარულად.

ამ საერთო აღტაცების
შენ არა ხარ მონაწილე!
ძილისაგან გაერკვიე!
თვალებს ღიბრი მოაცილე!

ნუთუ გულის შინასკნელში
არ გიღვივის ნატვრე სულის,
არ გიზიდავს დიდების ხმა
და ოცნება სიყვარულის?

შენ ხომ ისევე ის გული ხარ,
ვინც ვიღოდა ფიქრთა ზღვაში,
ვინც როკავდა ზღვის ტალღებზე
ძორფასულ რითმის ტამით.

ამოგქონდა მის ფსკერიდან
მარგალიტი ფინა-ფენად
ღამაზმანი ბათუნების
ბროლის ყელის დასამშვენად.

მამ საიდან წარმოიშვა
შენი სევდა, შენი ურვა,
ვირისუფალს დაემსგავსე,
თითქოს გღვედეს წყველა-ერულვა!

გულმა ასე მიპასუხა:
„გობოვ დამტოვო ჩემთვის მარტო,
მეუღდროებას ნუ მიშფოთებ,
მსურს ვიტბო, მსურს ვიდარლო.

მე, რომ მსგავნად ფარვანასი,
არ მესმოდეს ის ცის ძალი,
რომ ზაფხულის სიოს მოსლევს
შემოდგომის ქარიშხალი, —

მეის სიტყვის ხმაღს შევირტყავდი,
დავიწყებდი ერთზე მღერას
და დიდების მოსახვევად
გაჭქუსლავედი ლექსის მერანს.

მაგრამ, ვიცი, თუ რამდენად
მუხთალია ეს სოფელი,
ნემი ყოფის დასასრული,
სასტიცი და უღმობელი.

გიცს ვუწოდებ ჩიტს, რომელმაც
დააღწია თავი მახეს
და საყენის ასაკრფედ
ისევე იქით მიცახცახებს.

იცოდე რომ დიდების ხმა
ასე რომ ჰქუბს ათასფერად,
ხხვა რა არის, თუ არ მხოლოდ
ცარიელი ხმა და ბგერა!

ოცნებაზე ჩქამს ნუ დასძრავ.
კარგად გოქნობს ხალხს მედროვეს,
პოეზიის პირშო შვილებს
თუ რა ხვედრით აჩილდოვეხს.

ამ ქვეყნისა აღარა ხარ?
არაფერი შეგირტყვია?
პოეზიის თავი არ გყვავს,
გულს ახალეს ცხელი ტყვია.

ფინ არ იცნობს პუშკინს, პუშკინს
ვინ არ აქებს, არ ადიღებს,
მოლიველივე მისი ლექსი
მოფენილა კიდით-კიდეს.

თვით ქალაქსაც უხაროდა
დაეყარა სპეტაკობა,
ოღონდ პუშკინს აღუბეჭდა
ზედ თავისი სიტყვის წყობა.

მისი სიტყვის ცისარტყელა
ეღვებოდა მთებს და სერებს,
ფარშევანგის ბოლოსავით
გამოსცემდა ნაირფერებს.

ლომონოსოვს უთხრეს: შენ ხარ
სადარბაზოდ ლექსთა ბაში!
პუშკინი ყი საბოლოოდ
მტკიცედ დარჩა ამ დარბაზში.

დერეჟავინმა პოეზიის
სასახლეში ჰპოვა ბინა,
მაგრამ ყველას პირველობა
ყველად პუშკინმა აგრძნობინა.

კარაშხინმა ცოდნის ღვინით
ამოავსო შუბის სასმისი,
პუშკინმა კი მთლად ძირამდე
გამოსცალა ჰრქა მისი.

იგი ყველგან განთქმულია,
მისი ქება აღწევს ცამდე,
როგორც რუსთა მეუფება
სათათრეთით ჩინეთამდე.

როგორც დიად აღმოსავლეთის
სწამს ნაშგალა ნორჩი მთვარე,
ის, გვერტდით ჩრდილოს ცაზე
ჩვენც პუშკინის ჰკვიან თვალებს.

შვიდ ცასა და ოთხ სტოქის
არ ჰყოლია ჭერედ შეილი —
პუშკინივით გონიერი,
მადლიანი, დალოცვილი.

ებლა მითხარ, ის შრობელი
ჩაითვლება კაცურ კაცად,
ვინც გასწორა გენიოსი
ასე უღვთოდ, ასე შეატრად?

სასიკვდილო ისარი ჰკრეს
მის ძარღვიან ქველ სხეულს,
და გულშედიად დაჰაუურებენ
უმანკო სისხლს, ძირს დანთხებულს.

შეეღვრებოდა სეტყვა შექარა,
მოაფინა სწრაფად ჩრდილო
და სიციცხლის ხის ნაყოფი
ჩამოაგდო სასიკვდილოდ.

სიკვდილეთის ქარაშობმა
შეარყია ირგვლივ მთანი,
ჩააქრო და ჩაანავლა
მისი სულის ჩირადლანი.

ხანდაზმულმა მეწაღეებმ
მოიქნია ბასრი ცულო,
ძირიანად გადასხიპა
ვარდი, ტოტზე ამოსული.

მისი თავი — საგანძური —
ბრძნულ სიტყვებს რომ სთლიდა, ჰკვეთდა
მწარე ბედის განაჩენით
გველის ბუდედ გადაეკეთდა.

მისი გული — ვარდის ბუტკო —
ეჭეთ-ეჭით სუნს რომ ჰფენდა,
დაიფერფლა და ეხლა იქ
ნარეკალი აღმოცენდა.

მისი სულის ჩიტუნია
ამოფრინდა ყაფაზიდან
ხნიერმა და ახალგაზრდამ
მწუხარება ერთად ზიდა.

გმინავს მიწა რუსეთისა,
 აგოდებდს ხეით. დამდაღველით;
 — ჭალთების წიხიდა ძსხვერალა,
 შენ დავიცი მტრების ხელით
 შენ სიპართლის თილისმამაც
 ვერ გიშველა ვერ დაგისხნა.
 და ჭადოქარ ცედოსწვომად
 დაგატეხა მძინე რისხვა.
 შენ დასტოვე მეგობრები,
 გაეიგზავრე სადაღაც შორეთს.
 დაე ზეცამ გიმეგობროს,
 ნევეუარო სულის სწორებს.
 ბაღრ-სარის შადრევანი
 შენი ვარდის ნექტრის ნობათს
 გაზაფხულის სიით გაფრქვევს
 უკვდავ ნემრის შესაჯიკანად.
 და კ-ლარა კავკასია
 კრძალვითა და მოწინეულებით
 მწიორ საბუხის ლექსით გლოვობს
 შენს უღროოდ დამიწებას.“

გიორგი ხუციშვილი შაჰყაან ანობიკ

ბა ჯმ აუბრეხე გონრქანხეხე გიხერე ხრქარ.
 — *შჩრო, გაღოსჩეხეხე მარგარისხეხე აუციორ ქუთანარ,*
ჩხუი იხ ხრედიმ გო ახერნ აყარხედიმ სიხაყე კრქჩხ,
ჩხუი ჯ ლხე მრქმყე სჩროს იო გოჯეყარარეო,
ჩხუი ჯ ფახეჩ რახსათხეგომქან, ჯიოუჩე გო ნამრახ,
ჩხუი ჯანე ათად ხრეღანხეხეხე სიორანეყეღე ზარი:
ზაჯჩე გო ჯიოჯე — ვარიოს ჯ არეხხ — ზანე მათოე კოიუხე
შაღკიხეჩე მოიქ-მოიქ იო ზაღარხეხეხე ფიქეჩ ხხ ქათ-ქათო
გოჯეხეჩე მადეე თოქჩ აფხერ ხხ მახიოჯაყეღე,
ლიქითომ ქარეღე ჯ ზიორ კოიხხხეჩეჩე გოჯეჩეჩე აყაქათო
ღანე ზაქხეჩანარა. ქიხიოჯანეხეჩე მადეჩხხეხე ხრეხე,
ჩხუიყხე გინარხხე მადეჩ ხხ' სრახ გოიგხიო ზამარი
გოჯარ იოთხეჩე ჯანაჯ მჩ მადე ჯ გრეჩ ხრეჩეჩე
შოხეჩე არეხან, ჯიოჯადე გეყე ქეჩე, გეყე ხრქსაყამარი
სიოჯან- სიამოიხეჩე ჯანაჯ მრახეჩე ჯამომ ხხ კომ-კომ
არანანანანე, მოე მსერეფიხეჩხ, ანეგან კხსარარი
მასამანხეჩეჩე ანეგან ჯეხე ჯ გოჯეჩე აერნექე,
იო აეღოიქეჩ ხხ რხერკიოს ზარეჩეჩე აუბრეჩე ანმარი
მხ აკანე ანხა' ქარეგხხეხეჩე მფხეჩე მჩეჩე'
კიხხე გეხეიჯ ჰაჯეჩე სიხაყეჩ.— გოი რარიქე ხეარი
მამეღე აყარეხათ ჯ იხეჩეჩე ანხერ აეყომ გოიგხიო,
მიოჯე გეჩეიოჯე რიორმოსე განხეიო ანოჯ, გეჯეარარი
მხეჩეჩე გოჯეჩეჩეჩე ზაქეჩხეხე ხხ ჯეჯომ ხრეხეჩე ზაღკიხე.
 — *შაჯჩე გო გეჩეჩეჩე ას გოჯე ზიჯეჩე ახრქსან ჯმ იარი*

Ջեռներս չի են. սրտներս ուրախ— քնութիան այս մեծ
Տոնավաճառին ինչ չկտ, սաս, անուշ, քեզ համար:

Մեկը փայլում է իր գեղեցկութիւնով, հրապուրներով,
Մյուսը մրմունջ հառաչով հայտնում սերն իր խանդավառ,

Բոլորը խինդով լուսն վայրկյաններ են զեղում սրբալից,
Բոլորը վշտից չենու հրճում են, փայլում իրար:

Լոկ դու ես, սիրտ իմ, մեծ ուրախութիան այս անձա մնում
Լոկ դու ես գարնան զվարթ զարթոնքին տխուր, դուկահար,

Լոկ դու ես ահ անսեր ու անհուշ, անիղձ ու անխոհ
Շքում, զեզերում՝ հեռու փառքերից, քաղաքներից վառ:

Ասա ինձ, միթե սիրտը չես դու այն, որ հանուն երգի
Մտքի մրկահուշով ծովերն էր սուզվում անտես, աննշմար:

Դու սիրունների վզեղներ էիր քառերից հյուսում
Եվ նուրբ մանչակներ՝ շողողուն, որպես ե լայ, և գոհար:

Արդ որտեղից են տխրութիւնն այս խոր, թախիծն անսահման,
Այս հառաչները, այս արցունքներն անկեղծ, անկաշու:

Եվ սիրտս սասց.— Հենչ, իմ մենավոր սգավոր քնկեր,
Դու թող ինձ մենակ իմ վշտերն հետ այս դառ, թունախառ:

Ես չգիտեմ, որ այս ծաղկավտ մարգագետնի մեջ
Մախիայան հովի վերջում կշաշ աշնան հողմը շար:

Քե իմանայի, խոսքի նժույզը ես կթմարի,
Եվ կարշավի դեպի մարտադաշտ հասց հուր հողմավար:

Պարզ է ամեն ինչ, շարշարներով չի է վերը մեր,
Եվ չկա հույսի մի նշույլ անգամ մեր դարում այս քար:

Ենեթ է թուլունն այն, որը մի անգամ ցանցից ազատված,
Երկրորդ անգամ է վանդակը մտնում՝ հատկի համար:

Եվ ես լավ գիտեմ, թե ինչ է փառքը— մի սին արձագանք,
Որ ձայներից է հյուսվում կամարի այս անհաստատ, մառ:

Պայծառ պատրանքներ դու մի փայլախիթ— օրհասը դժեմ
Խափանելու է տենչերդ բոլոր, ցրելու խապառ:

Ով դու, աշխարհից անգիտակ էակ, միթե չես լսել
Խոսքի զորավար Պուշկինի մասին այն մեծաքանակար,

Պուշկինի, որի խաղաղուներ երգի ույս վայրենիքը նուրբ
Նվաճել էին և փառք, և համբավ աշխարհում արար,

Պուշկինի, որի գրչից սիրով էր թուղթը սևանում,
Ճերմակ էշերին աննելով անմահ տողեր շարեշար:

Նրա խոհերում, հանց սիրամարգի շորորուն քայլքում,
Լույս նախշեր էին հյուսվում խոսքերից հնչուն, սուկերառ:

Լոմոնոսովը զեզազարգել է տուրը հանճարի—
Բնակութիւն է հաստատել այնտեղ Պուշկինի իղձը վառ:

Նա— Դերժավինը բանաստեղծութիան հողը նվաճեց,
Բայց տիրակալը այդ հողի եղավ Պուշկինը հանճար:

Նա— Կարամզինը գիտութիան գինով զավաթը լցրեց,
Պուշկինը ըմպեց ոսկե զավաթի գինին կենարար:

Արքայի նման մեծ Տիեզերանից մինչև Թաթարիա,
Օվկիան հանճարով տարածվել է նա հաղթ, արքայաբար:

Հզոր խոհերով նա սրինի էր հյուսիսին այնպես,
Ինչպես լուսնակն է մառաղ սրինի արևելքի զառ:

Դեռ մինչև այսօր այնպես սրածիտ, այնպես քանքարով
Որդի չեն ծնել քնութիան բոլոր տարերքներն անճառ:

Այժմ ուշադիր ունկ դիր ինձ, սիր անհուն զարմանքով
Այդ մեծ հանճարի որդուն տանջել են, խոցել անդադար:

Մահվան նետեր են արձակել նրա սրտին արծվենի,
Կյանքի լուսնդեն թևերը փշռել շարախնդարար:

Չարիքը դժին սև-սև ամպերից սև կարկուտ տեղաց
Եվ երբ կհասնի պտուղեղեն վառ արավ գետնահար:

Ոխակալութիան հողմը հանցրեց կանթեղը հողու,
Մարմինը նրա սևացավ, որպես գիշեր խավար:

Ուսու ժողովրդի պարտեզում բաժ մի ճուղ դայարուն
Քաշել հասակով տապալից գետնին, զարկում կացեց շար:

Գլուխը նրա, որ նուրբ մտքերի շտեմարան էր—
Սճահար եղած, դարձավ օձերի ապաստարան մառ:

Եվ վարդանման սրտից, ուր հավեռ հրաշք հանճարի
Սոխակն էր երգում— արգ-տատասկներ են բռնում տոթահար:

Իր կրթիք քից, որպես մի թռչուն սլացավ հողին,
Քե ձեռ, թե մանուկ— բոլորը հանկարծ եղան վշտահար:

Լայն Ռուսաստանը քայքայեցին՝ վշտով- հառաչքով.
— Որդես, զարկվեցիր ավազակների ձեռքով շարաբար:

Ով քեզ չփրկեց ճակատագրի— այս սև կախարհի
Եղբաններից սառ— Քալիսմանը քո վեճ ու փրկարար:

Քեզ, որ հեռացար քո այն սրտագին բարեկամներից,
Լու օրհնութիւն եմ բարբառում սիրով ու եղբայրաբար:

Քեզ, գարնանագնդ Քախչեսարայի շատրվանը լույս
Ալվան վարդեր է ճամբում՝ շիրիմից բուրեցու ճամբար:

Ջյունավարս ու ծեր Կովկասը զնգուն քո նվագներիս
Պատասխանում է Սարուհու Երզով Քախծոտ, վշտայար:

A.S. PUŠKINUI MIRUS

Nesumerklau aktių aš gūdybėj nakties,
Klausinėjau karštai slėpiningos širdies,
Ko lakštingalos jau nesigirdi dainų?
Ko nutilo plepi papūga be vilties?
Ko pasibaigė kelias tavųjų eilių?
Kur svajonė—šaukiys nuostabios atėtties?
Jau pavasaris, kiek čia pražydo gėlių!
Jos margasis lankas lyg kiilmais užtties.
Jau žibutėm lėpsnoja upelių krantai.
Skleisti pumpurus rožės netrukus pradės!
Stepė—nuotaka puoštas, pavasaris jau
Beria žiedus nuo kriaušių, kalnų papėdės.
Tarsi šachas pasipuošė medžiai sode,
Apsirėdė gražiaisiais vainikais žiedų.
Į sveikatą jų geria lėlių būrys
Iš taurelių—iš tulpių baltų,
O narcizui apsvaigo, palinko galva
Nuo jazmino dvelkimų karštų.
Net lakštingalos grožisi rožių žiedais,
Pilin gojai skardžių jų gaidų.
Debesis pasiruošęs gėles apšlakstyt,
Jį atvaro uvejpelis lėtai iš pietų.

Vos aušrinė pakyla, nudažo rytus,
Tuoį paukšteliai pakirdę pragysta saldziai.
Ir paskatina skleistis, žydeti sodus.
Čia puikuojasi, kleisti visi augalai,
Neša grožio prekyvietėn savo turtus.
Vienas mielas kvapu ar gražiu drabužiu,
Kitas mielas, kad žydi, vešėja skaisčius.

Jie visi vien tik džiaugias, kad šilta, gražu,
Ir pamiršta sunkiuosius metus.

Tai kodėl gi nuliūdus gedi tu viena,
Negali atitokti, širdie vergana?
Ko be norų krūtinė, galva be minčių,
Kur aistra ir jos draugės—šlovė ir daina?
Ar ne tu tarsi deimantus varstai rimus
Ir buvai tarsi taurė minčių sklidina?
Ar ne tu gi išnardei svajonių marias
Ir grįžai, tarsi perlais dainom nešina?
Į posmus tu suvarstai tyrąsias mintis,
Kas eilutė, kas rimas—tikra gražmena!
O dabar nežinau, ko taip gaudžiai verki,
Ko gedi, sielvartauji liūdna?

—Tu paliki mane—tarp sirdis tare man.
—Man mielesnė dabar nuošali vienuma.
Aš tik šiol nežinojau, kaip pievu žiedai,
Kad po vasaros eina ruduo ir žiema.
Nors poezija žodžių mojuoja kardais,
Ant eilučių garbingon kovon įdama,
Troškimus mano žlugdo žiauri epocha,
Jos klatinga, juoda gūdma.
Sukvalioja tik paukete, pamačius pinkles,
Dėl grūdėlio tinkian išdama.
Reikalinga lyg žaibas, griaudžias danguje,
Man garbės ir šlovės aukštuma.
Aš žinau, kuo atlygina si epocha,
Tad geriau mums tylai, ramum.

Tai nejaugi, širdie, nepažįstama tu
Dar su Puškiniu—dainių vadu?
Per pasaulį nugriaudė jo posmų šlovė,
Ir gėrėjosi žmonės po to vardu.
Baltas popieris laukė, kada jo mintis.
Pasiltes žodžių srautais, eilių verpetu.
Jo svaja tarsi povo raibi apdarai
Su grožiu ir mintim susilitejo kartu.

Lomonosovas išpuošė rimų namus,
Bet tik Puškino ten išsikūrė svaja.

Nors Deržavinus užėmė rimų kraštus,
Viespalavo tik Puškinas jo šalyje.
Karamzinas pripildė vynu bokalus,
Bet išgėrė juos Puškinas ten puotoje.
Nikolajus tik Azijoje buro garsus,
Didį Puškina garbstė visa žmonija.
Tarsi jauną mėnulį jį gerbia rytai,
Jo buklumas garsus štaurėje.

Keturių gatvų, septintųjų dašų
Pagimdytas jis džiaugsmul ir laimė visų.
Bet nustebsi, kokia nedora ir pikta
Šių aukštųjų gimdytojų buvo ranka.
Savo mirtinai strėlei parinko jie jį,
Jo gyvybę lyg siūlą nutraukė staiga.
Medžio valstų nukirto, nukritus ūmai
Į pat širdi krušos kruopelytė—kuika.
Užgesino jo šviesa, užėjus audra.
Ir užplūdo pasaulį tamsybės banga.
Ižūlusis kirtėjas pamojo kirviliu,
Ir nuo smūgio nusvira žieduota šaka.
Štoj gyvačių epochoj gyvačių liudu
Pasidarė jo kūnas, jo sielos danga.
Jo krūtinėj erkėčio sužėlė spygliai,
Kur lakštingalos plito žavinga šneka.
Jo dvasia tarsi paukštė nuskrido tolyn,
Ir sudrebo, pavirko visa aplinką

Krito Puškinas, Rusų didžioji tauta.
Skęsta siel varie, aidai aplinkui rauda.
Neapgynė gyvybės etlučių šarvai,
Ir įvyko nelaimė, baistoji skriauda.
Pas Alachą nėjo į aukštas dausas,
Nematys jo draugai, nesutiks niekada.
Kapą Bachčisarajaus gėlynai apdvelks
Lyg kvapnusi fontanos ramybė šventa.

Sužinojęs Kaukacas pražilo ūmai.
Gedulinga Sabuchi rauda jam skirta.

A.S. PUŠKINA NĀVE

Bez miega un valguma plākot, es sēdēju naktī bārs
Un valcāju sirdij: Jēl saki, mans slēptako dārgumu dārzs, —

Kādēļ vairs cirtuļi nedzied cerību zilgmajos tavos?
Kādēļ vairs nečalo liksmi priekā un jautrības avots?

Kādēļ tev aizgruvīs pēkšņi uz dzejas strūklakam taks?
Kādēļ tev ilgām un sapņiem liņojums kļuvis tik smags?

Skaties—jau ziedona krāsas pļavas un telejas pošas,
Atzālo lapotne kokiem, kaļņus klāj sedzenes košas.

Strautmaļā kreīmenes kautrī klausas, ko vilnis tam teic,
Rozes no pumpuriem raišas, liesmojot rītausmu sveic.

Stepe kā ligava jauna rotājas auglības dāšņumam,
Pakalni kroni visgreznako apvij tās teleju krašņumam.

Koki uz kuplajām galvām ziedainas cepures liek;
Dažiem tas zilās vai sarkās, citiem tik baltās kā sniegs.

Tulpes ar ziedlapu kausiem rasu visdzidrāko smēļ,
Zemet par godu tos tukšo, saulei par prieku tos ceļ.

Darzi un magoņu lauki jasmīnu kupenās slikt,
Narcīsem reibušās galvas liliju paklāja likst.

„Mielastā latņņi lūdzami!”—aicina lakstīgala.
Kozīlapa slaukot knābi, tā dziesmu visapkārt dāļ.

Makonis ptebriest ar valģmi un apslaka ziedošu āri,
Veļļ vac smaržu klepļus un aiznes kaļņiem pāri.

Rītos, kad sārļojas ausma, pazārēs putņi dzied,
Aicinot zelmenī mēsties, saucot, lai zaļo ik dziets.

Ir sava velte ik augam, ik dzīvībat ir sava zieds,
Ko māmuļas dabas svetkos tie kopejā cienastā sntedz.

Vienam—viskosākās krāsas, otram—pilns nektara kauss;
Trešais visļaukākās smaržas klusība teļļpot ļaus.

Vist te priecājas liksmi, gavīļē, bauda un deļ;
Skumļjas un sapes tiem svečas, bedām tie vaļģā smēļ.

Vienģļļ tu rač bez prieka uz ziedona sveļķiem, sirds!
Vai tiesām tu nespeļ vairs mēsties no sapņā visdrūmākā,
sirds?

Jā, nav tevi tiešm vairs alku, un domu man galvā vairs
nav;
Nav dziņas pēc dzejņieka laurļem, kas pieri reiz varētu
skaut.

Vai tiesm, sirds mara, vairs neesi tā tu,
Kas grendēšas dēmas ik brīdi, lai krātu

Vārduš kā pērlēs, tos nebeldzot sīļā,
Rindū pēc rindas teļvijot vija?

Saki jēļ, kādēļ tik skumļa tu kļuvuši,

It kā uz mūžu sev sēras nu guvuši?

Teļca tad sirds: Ak mans vientuļo vakaru draugst
ļauļ aizmīrstības mauram ap mantem cerību vārtiem augtļ
Vilusies esmu es gluži kā puke, kā zieds, kuram vasara—
mīrģ;
Neļauš tas rītu, kād neželģgs rudens saļņū jau ziedļapas
puš.

Dzejņieka slavaļ reiz spuļģoja viss manas spalvas spoļģums,
Dzejņieka slavaļ bij sakrāts vis: manu vārdu košums.

Pēkšņi man atvēras acis—un redzū, ak redzū ar baļsmu,
Ka veltģ ļaļ tūmšajā laika cerēļ uz taisņības gaļsmu.

Bezprātis būtu tas putns, kas, pazīdams viltīgo sprostu,
Tomēr pēc gauda tur sniegtos, zinot, ka draud tas ar
postu.

Kas gan ir slava, ko skandē vareno glaimības vārds?
Tā ir kā pērķons, kas bieži ar nāvtū zibeni dārd.

Nevalā man vairs par dzeju. Ruglums liek dziesmai klusēt.
Es zinu, kā apbalvo laikmets dzejniekus dzimtajā pusē.

Vai tiesām tu neesi dzirdējis, kauču jel paretam varšmas
uzšķinot,
Par mūsdienu dzejnieku Ielako, vārda meistarū Puškinu?

Par Puškinu dīžo, kam slava pār zemi kā viesulis skrēja,
Kad viņš savas dimdošās rindas ar ģēnija roku sēja.

Par Puškinu to, kura priekšā ik papra lapa balta
Veļējas rakstīta kļūt un zibosem vārdiem kalta.

Tam iztele bija tāds milzums krāsu, skaņu un jūtu,
Cik cilvēkiem prieka un sāpju, laimes un bēdu grūtu.

Lomonosovs bij Krievzemes dzejai tempļi visgreznāko
cirtis,
Puškīns tai telika kriūtis dzīvības liesmalno sirdi.

Dzejas valstība kroni domājās turam Deržavīns,
Tomēr vien Puškīns kļuva dzejas valdnieks slāvens.

Karamzīns dzejas kausā zīnību viņu lēja,
Tā mēr šo kausu izdzert vienīgi Puškīns spēja.

Krievijas ķeizaru zina tātars un mongoļu gans,
Bet Puškīna cildenā slava pasaulei pāri skan.

Ar prāta gaismību cēlu viņš, mīļots ziemeļu dēls,
Ka mēness šķēļ tumsības nakti un taltālu austrumos kvēļ.

Tik tālānīgs spēka dēls Zemei nav dzimis jau sen jō sen,
Kopš asnus āiz seņēja soliem tā dāsnī ik vasarū džen.

Un tagad tu brīnīties ļoti, kad teikšu, cik gadsimts šis
jauns

Bija pret dzejnieku cēlo, kas ausa kā spideklis jauns.

Indīgu bultu tam sirdi raidīja ļaundaru pirksts,
Nāves atcirsta tika dzejnieka dzīvības dzirksts.

Trāpīja krūtīs viens vienīgs ļaunuma krusas gauds,—
Un cilvēcet ļaupīts tika tik daudz, tik bezgala daudz!

Rītausmai naidīgā brāzma dzēsa tam dzīvības liesmu,
Apklusā dzejnieka lūpas, izdzīsa pēdēja dziesma.

Dzejas viskrašņāko ziedu, kadū vien cilvēce zina,
Pasaules vareno nīkums pašā plaukumā mīna.

Galva, kur gaišākās domas veldojas, dega un dzirkstīja,
Guj nu tik saīta kā akmens; stinguši darbīgie pirksti.

Rimusti pūkstēt uz mūžiem sirds, kas pēc apvārsņiem
kaiša,
Sirds, kas tam ģēnija spārnus varenam lidienam raišīja.

Dzejnieka dvēsele—dziesma—paliek nu bāra skumstam,
Elpa mums aizņaudzas sāpēs, debesis izliekas tumstam.

Krievzeme raud un sēro, krūtīs aug sašutums svēts:
Bendes un nelīesa rokas Puškīns ir nonāvēts!

Nespēja pasargāt sevi tālānā talīsmans tavs,—
Spārnī šai drumajā laikā pat ģēnijam atjauti nav.

Tālu nu esi no draugiem, kas piemiņas bļķēti dzer,
Vieglī lai smiltāja kļēpi mamulja Zeme tev ver.

Ziedosu rožu pāris, strūklakas veldzēts un dzestrš,
Svaigāko ziedoņa elpu no Bahčsarasjas tev ņes.

Saņēmis bēdu vēsti, sēras viss Kaukāzs grīma,
Tad neizsakāmās sāpēs šis Sabuhi rindas dzīma.

A.S. PUŠKINI SURMA PUHUL

Pikk, pime on õõ, aga ärevalt ärkvel ma püsin
ja mõtete varamut valvavalt südameilt küsin:
miks täna su aegade õõbik on väsinud ära,
miks täna su lookese laulud on kaotanud sära,
miks täna jäi tummaks mu laidurlik lauludelooja,
miks teele on komistand südame sõnumitooja?
Taas kevade tuli ja õite ning häitsmete neitsid
meid vettlevad jälle, sest loori nad eneselt heitsid.
On orvikud ärganud öitsema aegade vilus
ja rooside pungad on puhkenud hiilgavas ilus.
Me rohtlate pruut oma ehteiga täitnud on süle
ja mägede nõlvak ta aardeiga puistab veel üle.
Puu-aegade valdijas-ülēni öitsema puhkes
ja troonib seal õilmete kroonis kui kuningas uhkes.
Nartsissi-ja lilliaulilid andamit toovad
ning veini ta terviseks tulpide karikast joovad.
Jasmiinide lummast on täitunud üleni ilm nüüd,
nartsissid on tummad ja joobnud neil silm nüüd.
Laul õõbiku suul tema rõõmudest teadustust annab
ja rooside pudemeid nokas ta kõigile kannab.
Vett välkude valgusel pilvedest piserdab alla,
tuul feinud on lõhnadevaramu väravad valla.
K koos koiduga ärkasid linnud ja hüüavad nüüd:
maa haljuse neid, tule välja sa loori alt nüüd!

Siin kevadbasaaril kõik kauplevad innu ja väega,
kõik müüdiv ja ostetav tehtud on laidurikäega.

Oks ihaleb, ootab ja halab, et kõik teda kuuleks,
üks südamevalu ja lembuse luulendab luuleks,
on ununenud ootusepiinad ja üksindustusk siin,
taasleitud on armastus, lootus ja usk siin.
Miks sina, mu süda, nüüd kevadehääli ei kuule,
miks vaiked ja vajutad tummusepitsepitseri suule?
Ei ihale kohtumishetki, ei armsama embust,
ei ole su südames kirge ja kuulsuselembust?

Veel äsja sa südina mõtete merre end heitsid,
ta taarnatest ilu ja tarkuse pärleid sa leidsid.

Sealt laulude kaldale kandsid kõik kallimad leiud
ja ehtisid nendega kauniks kõik mõtete niud.
Nüüd istud ja kurbuse lummuses pisaraid valad,
ei ole mul oidu, et mõista, miks nutad ja halad?
Mu ainuke üksinduskaaslane — vastas ta mulle —
ei suuda ma olla nüüd pidudekaaslaseks sulle,

need rohtaia piigade rõõmud ei mahu mul pähe,
sest kevadet jälitav sügis mul meelest ei lähe.

Ma laidurlusratsuga meeeldi läheksin sõitu
ja sonade möögaga otsiksin kuulsust ja võitu,
Kuid maailma jumust ja reetlikust tunnen ja tean ma —
kõik sõjad siin kaduvas kõiksuses kaotama pean ma!
Ka ohuga harjunud lindusid tarkus ei kaitse,
sest silmuse hirmu neil meelest viib terade maitse.
Au, kuulsus ja kunstide lummus on aruka silmas
kui purustav torm selles laotusealuses ilmas.
Miks peibutad? Tea siis, et miskist ei looda ma kasu,
sest aiman, et taevavolv iialgi heaga ei tasu!
Kas seni veel heitliku maailma hinda ei tea sa,
kas Puškinit lõesti poeetide valdjaks ei pea sa?
Vaid Puškinit luuleilm endale isandaks vajab,
ta laidele sadadest suudest vaid kiitusi kajab.
End pabergi Puškini teenijaks igatseb anda,

et üllaime vaimuse mänglevust enesel kanda.
Kui uhkeldav paabulind luule tal kütlev ja kirju,

ta meelest on sündinud tuhandeid oisi ja kirju.

Lõi luulele riikluse Lomonossovi anne,
ent vannuti Puškini andele truudusevanne.
Deržavin küll vallutas kaunite kunstide valla,
ent luuleilm heitis end Puškini seaduse alla.

Karamzin me linale tarkuseveininoõ tõi siis
kuid pilgeni tarkusekarikast Puškin vaid jõi siis.

Ja alistas endale Öhtumaa iga ta rida

kui keiser, kes võitnud Tartariast Hiinani Ida.

Ta kehas tas kõigile unelmat Põhjalas hallis,

uut tootas kui nooruke kuu, mis on Idale kallis.
Ei ühtegi annetelt rikkamat olnud kui tema
neist meestest, kel isasid seitse ja neli on ema.
Ent polnud ta vanemal lemmikut hüljata häbi —
kui ütlen, mis oli, käib valu su südamest läbi —

Nad võtsid talt saatusel pãritud armu ja hoole
ning suunasid ise ta rinda siis surmava noole.

Ta peale tõi äikesehoo nende vanemlik tahe,

ta aedades võrsuva elupuu puruks lõi rahe.
On surmanud saatusetuul tema südametule
ja koidikukiired ta kambrisse enam ei tule.
Karm aednik on tulnud ja koristand kaunima vilja
ehk õitelgi õitsele puhkeda polnuks veel hiljat

Pea, mõtted kus äsja veel rajasid radu,
on moendanud usside elamuks laotuse madu.
Laul veetles su, südant kui õõbikut roosidemaiaist,
ent okkaid veel võrsus su südame põrmusest aiast.
Su fiingelind koduse pesa on jätnud nüüd maha,
nüüd nutavad sõbrad, ei sellega leppida taha.
Ja ahastav Venemaa alustao kurblikku lugu
ning kurdab ja sajatab alatut morvarisugu.

Ei suutnud sind taide ja tarkuse talisman säästa
ja tiirleva laotuse arbuja askusest päästa.

Viis saatus su kaugete maisete sõprade juurest —
ehk taevas saad osa nüüd Jumala heldusest suurest.

Veel Bahtšisarai cma õitega sinule mõtleb

ja lõhnava purskkaevu kombel su hauale tõtleb.
Hallpäinegi Kaukasus nutab ja leinab sind kaua
ning kurb Sabuhi oma luulega pärjab su haua.

ЛА МОАРТЯ ЛУЙ А.С. ПУШКИН

Де веге стам ын поалтя 'итункатэ
Ши инима-мь личет мь-ам ынтребат-о:

«Де че ну кыиць? Де че ешт амэрытэ?
Де че ай амүцит аша де одатэ?»

Де че ць-е друму 'икис спре поэсие
Ши уша спре висэрь ць-е ферекатэ?»

Привеште: примэвара е стэпынэ
Ши орьче флоаре-й звелтэ ка о фатэ.

Де-атытя флорь ыс лунчиле нестрице —
Ковоаре де мэтасе 'поуратэ.

Миряса-привэварэ 'и дар примеште
Тезаурул де флорь дин цара тоатэ.

Яр помий 'нкуунуаць ку флорь суаве
Стау ка 'мпэраць ын мижлокул грэдиний.

Ын чинстя лор дин купе де лалеле
Бяу роуэ мачий стакожий ши криший.

Нарчисул стэ привинд ла ясомие
Ши-й бят де албул ей ши ал луминий.

Ка семн де «бун венит» привигетоаря
А принс ын писк петале ка рубиний.

Ун поур плани де-плоае дин плутеште —
Е дус де вынт спре зарышта колишей.

Ын зорь де знуэ пэсэрыле кямэ
Ла соаре, вяцэ, ербуриле глией.

Ши фиекаре фиричел апаре
Аша кум е, ка дар ал букурней.

Ла ярмарокул веций вине унул
Ку фрумусеця-й ши кокетэрия-й.

Яр алтул ку юбуре ши суспине —
Ши тот че-й виу е'и воя веселисей

Ау, инимэ де букурий уйтатэ,
Ну поць сэ те трезешть, сэ-ць вий ын фире?»

Нимик ну те ынкынтэ, ну те-атраже?
Нич пасунь, нич стихурь, нич юбуре?

Ау н'ай стрынс версурь ка мэргэритаре
Ын мэрь де гындурь ку ынсуфлещире?

Ту 'мподобит-ай медитэрь профунде
Ку компараций, строфе, стрэлучире.

Ши-акум ну штиу, де унде ць-е тристеця?
Ши че деплынжь ку лакримь де мэхирире?»

Ши инима-мь рэспунсе: «Драг приетен,
Дореск акум сингурэтате-амарэ.

Еу, ка ши-о симплэ флоаре, ну штиусем,
Кэ вынтурь речь алуигэ примэвара.

Дар поезией спада елоквенцей
И-ам дат сэ кучеряскэ слава ярэ.

Дар тотуш ширетликуриле веций
Еу ле куюск ши еле мэ 'нфиораэ.

Е прост ачел, де штие че е лацул,
Дар пентру-о боабэ рискэ-а кыта оарэ.

Ши ларма, че адусэ е де славэ,
Е згомонт ван, е сярбэдэ фанфарэ.

Май бине тачь. Еу штиу кум тутурора
Плэтеште аспрул ностру вяк ши вяца.

Десигур аузит-ай ту де Пушкин:
Ын поэсие ел е стя мэрыцэ;

Де Пушкин, де поетул слава кэруй
Прин лумя тоатэ а трекут семяцэ;

Де Пушкин, деспре каре ерь хъртия
Виса ка ел оэ скрие п-еа ей фацэ

Коморь де гьндурь, склипитоаре версурь,
Ка 'и ноапте луминоасе констелаций!

Палатул поезией Ломоносов
Л-а ынфрумусеат ынпэрэште,

Дар висул де о вяцэ ал луй Пушкин
Ынтре перещий луй сэлшлуеште.

Державин кучерит-а поезия,
Дар Пушкин ын ал ей меляг домнеште.

Яр Карамзин ын амфора штинницей
Турнат-а 'нцелепчуня-й пэринтеште,

Дар ку несациу амфора ынтрагэ
Доар Пушкин пын'ла фунду-й о голеште.

Вестит е цару 'н цара са. Дар Пушкин —
Орьунде: слава-й сбоарэ ка ши вынтул.

Ын Ориент нь-е драгэ луна ноуэ,
Ла Норд юбит е Пушкин ши кувьнту-й.

Фечор дештепт ка ел, ку-аша таленте
Н'а май нэскут нич черул, нич пэмынтул.

Ши поате те-й мира, кьнд су ць-ой спуне,
Кэ 'н цара луй л-ау фрынт фэрэ рушине.

Ел а фост цинта морций. Вай, че жале,
Кэ ну-й май курже сынжеле ын вине.

Ун глонц л-а доборьт дин помул вещей
Ши моартя-й стинсе ликэрул луминей.

Ши трупу-й вид де мареле сзу суфлег
Предат е морций, безней ей деплине.

Че круд е грэдинарул, каре тае
Копакул, че-й ку кренжэ де флоаре плинне.

Ши краинул — тезаурул гьндирий —
Е префэкут ын куйб де шерль ши-атыта;

Яр инима, ал кьнтечелор лягэн,
Учисэ е, ку спинь е акоперитэ.

Ши суфлетул, ка пасэря дин куйбу-й,
Сбурэ. О луме-л пьнеж-адынк мэхнитэ.

Пэмынтул рус пе Пушкин ыл депьинже:
«Епока л-а учис ку мына-й хьдэ...».

Ну те-ау салват де моарте, ынтунерик,
Нич версурьле тале хемэтоаре.

Ештэ смулс дингре пристень дражэ, дин луме, —
Аллах сэ-цэ дя ын черурь алинаре.

Изворул дин Бахчисарай стропи-ва
Ла кэпэгыю-ць флорь ын инсгаре.

А'нкэрунцит, с'а гьрбовит Кауказул,
Приминд ачесте вешть сфышиетоаре.

Яр Сабухи, ку инима ын доллу,
Ыцэ кьнтэ-ун кьнтек трист де 'нморьмьнтаре!

А.С. ПУШКИННИҢ ӨЛҮМИГӘ

Көзлirimдә уйку йок һеч түн-кечидә мән бедар.
Кәлбимгә ейттим шу чаг: сириндин қил хәвәрдар.
Нә болдики, гүлшәндә булбул нәғмидин қалди?
Нә болдики, униң сәзи аңланмас бүгүн һашкар?
Нә болдики, униң сөз йоли пүткүл йепилди?
Нә болдики, хияллири бәнткә болди гириптар?
Баһар кәлмәктә қара, нәлис қилардак гөзәл,
Улар безәп чимәнни ясиди әжап гүлзар.
Чимән ара булақларни гунавазлар қаллиған,
Гүл гунчилар гоҗки қизил гүлдәк лавулдар,
Баһар айна қарши елип ечилса гүл-гунчилар,
Тағ бағрида гүл чекилгән сүзүк ташлар ялтирар.
Бағ ичидә мевилар чечәкләрдин кийип тағ,
Дәрәхләрниң падишәси һәр ян қарап олтирар.
Чуглуқ билән гүл лалә аниңки сағлиғи үчүн,
Бәргини қадәһ әйләп шәбнам данисин жутар.
Айниң йүзи гоҗ кумүч рәңгә боялған,
Нәрсиниң хумар көзи аңа қарап қамишар.
Хуш кәпсиз әй булбуллар дәп ейтса бағу вә бостан,
Дәстә қизил гунчини тутар аңа гүл баһар.
Гүлшәнгә су чачмаққа булут һазир тайирмиш,
Таң сабәси гүлләрдин хуш пурақлар тарқитар,
Әй, яшинған көк майса, йардин чәқип бизгә қара!—
Дәп, саһардә түрлүк куш нәғмисини яңиртар,
Һәр бир гия һәр ҳачан хислтидин айрилмас,
Тәбиәт базарида уларниң өз ҳимити бар.
Бири өз гөзаллиғи вә нази билән көйдәрсә,
Йәнә бири өз ишқини налә билән ухтирар,
Һәр вақиттә тәбиәт һаятин хуш өткүзәр,
Чүнки у гәм-қайғудин һәр дәм яшар бәхтияр,
Әй, жүрәк сән хошалықтин-шатлиқтин һәм айрилдиң,
Пәқәт теп-теч уйғиға болдиң әнди қәриздәр?

Нә көңлүмдә бир һәвәс, нә бешимдә бир ой йок,
Сән әләмдин, шәһрәттин вә пикирдин болдин безар.
Долқунланған деңиздак ой-пикирни көтритип,
Сән әмәсму әй жүрәк, есил гәзәлләр яңритар?
Ой-пикири билән дәйим қаритип нә гәзәлләрни,
Сән әмәсму әй жүрәк, жипка тизған маңаңлар?
Нә үчүн әнди сән зор мусибәттә-мәтәмдә?
Билмәйман нә үчүн сән чекисән азар?
Жавап бәрдики жүрәк: «әй менин тәһна болдишим!
Бундин кейин өзәмгә бәрсән деди ихтияр!»
Чүнки бир чағ гүл кәби мәнму билмиған гәмни,
Әнди чимән гүлларини тозитти шум қуңлар.
Иңлигинки бу дунияда нам қазанмак үчүн у,
Сөз либәсин қилич кәби жәңгә қилғанди тәйяр.
Лекин бу тар-вапасиз, нәһрәтлик заман койнида,
Ғазаң болди әжайип изгү улук арманлар.
Бәзи бир ахмак қушлар қәпәздики данни көрүп,
Йемәк болуп өзни уруп һаяттин вәйран болар.
Бирдәмлик гүрүлдигән униң кәттик шавқуни,
Чақмақтақ ялтирап тез, шәһрәт авәзи аңлар.
Башқа пикир сорима, лекин мән биләрмән,—
Дәвирнин бүйүк адәмлири бәкму киммәтлик турар.
Аңлидинму, әй бурадәр, йә турәмсән хәвәрсиз?
Шәһриәт сәрдарин Пушкин әйнә жим ятар.
Бир чағда улук Пушкин шәһрлири титритип,
Йәр йүзини тәвритип, яқкан ана махтарлар.
Ақ кәғәзни толтуруп Пушкин шәһр язғанда,
Ләззәт елип унидин қанған канчә тәшнәлар.
Гоҗ униң хиали тоз һәрикетидәк гөзәл бол,
Худди һасан-һүсәндәк әжайип көриниши бар.
Ломоносов шәһр сарәсини гүлләш үчүн иңтилса,
У сарайни махан қилған Пушкин улук илтихар.
Державин чал алса чолған поэзия гарини,
Нөкүмрәлик қилған еди Пушкин аңа беихтияр.
Қарамзин кип билим билән толтурса зор кәдәйни,
Шу кәдәйни ичти Пушкин, қалинди зор тамчилар.
Николай падиша нами йәтсә яран чину-хитайға
Бүйүк Пушкиннин ети пүткүл жаһанда ямирар,
Бу әқиллик дунешмән шимал үчүн улук зат,
Шәриқ үчүн толун айдин у киммәтлик атилар,
Тугулмиған мундақ улук, мундақ мутаппәккүр ул,
Намини аңлап униң йәр йүзи болди хумар.

А.С. ПУШКИН УЛЕМЕНӨ

Шундақ бүйүк шаирниң эмгигигә ечинмай,
Һаятини боғуп ташлап, қан ялиди қатиллар,
Миң әпсуски, ханнлар жұтлуқ қилди шаирға.
Шум әжәлниң оқидин ақти бағридин қанлар.
Мудһиш қара булутниң бир парчисин оқ қилип,
Шаир бағрини ярди иглас ханн жаллатлар,
Униң отлуқ вужудини басти әнди қараңғулуқ,
Кәлбиниң шеми өчүп йәр қойнида жим ухлар.
Катил бағвән ханнлиқ қип кәсти есил мевини,
Яш мевиниң бәрғидин чүшти йәргә газанлар.
Кесип алди иланлар униң улуқ бешини,
Кәтти униң бешинда бәк қиммәтлик зор ойлар.
Отлуқ жүрәк бир тутам солған гунчә боп қалди,
Әнди булбул сайримас муңлиниду гүл бағлар.
Кайғу-матәм ичидә қайғуриду қери-яш,
Шаир үчүн мусибәт тутуп өлкәм аһ урар.
Матәм тутуп рус йери гәм чекиду-жиглайду,
Шум явуз қатилларға аччиқ нәпрәтләр оқар,
Сениң данлиқ әсәрлирин қалди биз билән мәңгү,
Лекин сениң өмриңни қийди шум алдамчилар.
Улар сени вәтәндаш-достлириндин айриди,
Тәңри саңа самада әнди мунайин болар.
Пурақ чачар қизил гүл бағчи сарай ичинди,
Хуш пурақлар қәбриндин фонтан кәби етилар.
Сән тоғрилиқ шум хәвәр аңлап бүгүн сәбуһи
Ақ чачлиқ бу кавказдин матәм нахшисин ейтар.

Мин ултырзым төндәр буйы керпек кәкмай,
Қилдә башка төрлә моңһоу, ауыр уйзәр,
Үз-үзәмә һорау бирзәм: ниңә һинен,
Гөл баксанда һандуғастар һайрамайзәр?

Ниңә осмай бөгән һинең хыял кошоң,
Өмөтөң өсөн бәрыр юлдар ниңә биклә?
Күр һин нисек йәмләндәрзә тугайзәрзә
Йомшак елдәр исеп торған яззың күркә!

Миләүшәләр каплап алды һуу буңзарын,
Бөрөләндә баксаларзә кызыл гөлдәр,
Тауза үскән йәш егеттәр кыр кызына
Сәскәләрзән үрәп венок әзерләйзәр.

Баксалары дзү ағастар шаһтар кеуск,
Гөлдәрзән таж кейәп улар горуру тора,
Алдарында мәк һәм ләлә сәскәләре
Ысык тулы касаларын һузып тора.

Бар тәбиғәт бизәкләнгән жәсмин менән,
Нәркәз гөлә гәжәпләнәп ергә баккан,
Гүйә былбыл әсәһенә бүләк өсөн
Аумзына алһуу кызыл сәскә капкан.

Һуу һибәргә әзәр болот был гөлдәргә,
Яз иртәһе бөркөп тора хуш естәрән,
Коштар гүйә данлар өсөн бәтә ергә
Әйтәп һайрай гөл-сәскәнең исемдәрән.

Һәр үсемлек горуру бында үзәнә күрә,
Һәр кайһының үзәнә башка бында өнә,
Береһе ниңә матурлығын тәкдим итһә,
Икесеһе хуш ес һибеп һөйә һине.

Белмәй улар ерзә кайғы-хәсрәттәрзә,
Тәбиғәттең был гөлдәрә гел күңелле,
Ә һин, йөрәк, тәбиғәттең йәмдәрәнә
Мәңгелеккә айырзыңмы был күңелдә?

Бөгөн минән алыслашты дан, хыялдар.
Юк күңелдә киә янған шигри уызар,
Кайза китте диңгез кеүек хыялымдан
Шигырзәрзың ыңыйларын йыйған йылдар!

Һин түгәлме гүзәллеккә дан йуларған,
Хаклык өсөн йәүһәрзәрзән юлдар тегән?
Ни газәплай, йөрәк, һинә әйтсе миңә,
Гөлбаксаңа юлдарынды кемдәр өзгән?

Йөрәк миңә яуап бирә: хәсрәтем зур,
Бер яңгызым калайымсы был өймәдә,
Кәзгә елдәр иңә бөгөн миңәң аша
Гүяә матур яззәрзы мин күрмәнем дә.

Был донъяла гүяә мин бер һыбайлымын,
Үгкәрләнем шигыр кылысын көрәш өсөн,
Заманымдың бозоклогон белә тороп
Күрһәтергә теләнем мин хаклык көсөн.

Бөртөк һипкән тар ситлеккә, күрә тороп
Икенсе кат алыот коштар ғына инә,
Дан нәмә ул? Үткенсе бер күк күкүрәү,
Ундай дандар кәрәк түгел инде миңә!

Һөйләмә һин хәзәр миңә бер нәмә лә,
Арзан һүзәр кәрәк түгел хәзәр бында,
Уйлайым мин шигри гәскәр юлбашсыһа—
Даһи шағир бөйөк Пушкин тураһында!

Ишеткәнең юкмы ни һун уның исемен?
Бар донъяла яңгырай бит шағир даны,
Ак кағыздың биттәрәнә кәләм менән
Ыһый кеүек теңә ине ул шигырзәрзы.

Тәүис коштоң йомшак канат кағынмуы
Сағыла ине уның шигыр юлдарында,
Ломоносов төзөгән гүзәл шигри һарай
Етә мөйөшөн бирзе Пушкин мондарына.

Яулаһа ла Державин бар шигри русты,
Хужа булып калды бында Пушкин хисе,
Карамзиндең белем тигән касәһыһан
Шаранты ла төбөнә тиклем Г...һин эсте.

Батша исемен белһа Кытай, татар ере,
Пушкин даны шуаулай бәтә ер шарында,
Тууган айдай ялтырай ул көнсығышта,
Йөрәктәрзә һаклана ул төн яғында.

Ете кат күк, ер, һауа һәм уттан-һыузан
Тууганы юк быга тиклем бындай ақыл,
Тик кызғаныс, шундай зирәк был балага
Дүрт әсә һәм ете ата булды һаккын!

Қара болот булды уның каршыһында,
Туузырыусылар шул болотка әмер бирзе,
Һәм боз һукты шағир гүмере сәскәләрен,
Қан юлдары туктаналар—Пушкин үлде!

Һүндәрзә ел уның якты гүмере шәмен,
Қараңғылык бақты тәнен, тирә яғын,
Киште гүяә бәһәссы карт балта менән
Шигриәттең күкрәп торған йәш кыуағын.

Аждаһалар саф күңелле йәш шағирзе
Ташланалар йылан, корттар ояһына,
Һүнда уның йәш йөрәге—кызыл сәскә,
Бакса әйләнде сонсекелек донъяһына.

Осто йәне тарһынып киң донъя йөзөн,
Илай бөгөн Рәсәй кызы, Рәсәй улы,
Матам тотә киң Рәсәйең бар мөйөшө;
Бөйөк Пушкин гүмерен өзгән палач кулы!

Һине, шағир, был шәфкәтһез йыландарзан
Һаклап кала алманалар йырзәрзың да,
Инде һиңә, мәрхәмәтле булһын алла,
Айырзалар һине яқын дустарыңдан.

Бакса һарай гөлдәрәнең хуш естәрән
Илһен һиңәң кәберәңә саба еле,
Сабухиңең шигыры менән матәм тотә
Был кайғыһан сәсә ағарған Кавказ ере!

А.С. ПУШКИН ҮЛЕМЕНӘ

Пожым качты, төннәр буе күзем йоммыйм.
Пәрәгемә үзем дашәм, үзем тыңдыйм:

«Серләремнең жәүһәрләрем, татлысын син,
И йөрәгем, үз түреңдә саклайсың син.

Ни булды соң, жыр былбылың ник сайрамым,
Тутый кошың матур сүзләр ник сайламый?

Ни булды соң шигъыр сүндә—тын да чыкмый,
Ни булды соң, илчең хыял юлга чыкмый?

Күр, яз житте чәчәк ничек балкый энә,
Болынарда хуш ис ничек аңкый энә.

Миләүшәләр тирбәләләр энә яра,
Алсу гөлләр ялкынланып яна бар да.

Тауда гөлләр асылташтай жемелдиләр,—
Бизәл, дала, безнең нурга күмел! диләр.

Зур агачлар чәчәкле таң кигән сыман,
Күренәләр «Без монда шах!» дигән сыман.

Чык сулары эчеп ләлә касәсеннән
Мәкләр әйтә: «Тын бакчалар яшәсеннәр!»

Ясмин гөлә—ап-ак давыл. Шуны күрөп
Кара күзле нәркәс авыр сулий кебек.

Сандугач шат—язны күргәч рәхәт тапкан,
Бүләккә дип ул да алсу чәчәк капкан.

Болыт эзер гөлгә тизрәк су сибәргә,
Һәм жиләс жил канат сирли шул чибәргә.

Жырчы кошлар сайрыйр иртә таңда торып:
Үс, яшеллек, жир-әнкане ямьгә төрөп!

Һәр үләннең үз болыны, үз кыры бар,
Яз байрамен бизәр өчен үз жыры бар.

Берсе көяз, берсе чиксез сылу була,
Берсе—гашыйк, сөйли бары шуны гына.

Бөтен чәчәк бергә күңел ачып яши.
Тормыш-ләззәт. Ә сагышлар качып яши.

Ә син, йөрәк, һич тормаска аттың мәллә?
Шатлыклардан тәмам колак кактың мәллә?

Күңелдә хис, ә башымда уйлар тумый,
Син дәшмисең—шөһрәтлә жыр жырлап булмый.

Уй дәрәясын кыю айкый идең бит син,
Жыр энжесеп чик-чамасыз сөйдең бит син.

Сүз бизәгәң явын алды бик күп күзңә,
Жыр юлларын мәржән итеп бик күп тездең.

Белмим, ниңә борчый бүген сине сагыш?
Кайнар хисем, ник кайгылы синең агыш?..»

Әйтте йөрәк: «Япа-ялгыз уйлайм әле,
Ялгызлыкка үзем юлдаш булайм әле!

Чәчкә идем. Белмәгәнмен мин, күрәсең.
Язлар үткәч көзгә салкын жил киләсен.

Жырым—жайдак. Зур жыңүне бурыч итеп,
Мин телемне бирдем аңа кылыч итеп.

Юк, теләгем эшкә ашмый. Көтәм һаман.
Бик мәкерле хиянәтче икән заман.

Була кошлар: тоткын булган чагын белә,
Ә жим эзләп шул тозакка тагын килә.

Уйламагыз дан һәм шөһрәт зур нәрсә дип,
Алар бары күкрәү сыман бер нәрсә бит.

Дәшмә миңа. Күр күз яше коелганым...
Беләм ничек бөек уллар жуелганым.

Беләм, шигырь—ул корал да, ул гаскәр дә
Полководец иде Пушкин шул гаскарға.

Ишеткәнсен, тылсымлы жыр жырлады ул,
Бөтен жирдә шаулады һәм гөрләде ул.

Гүя кагазь әйтте аңа: тизрәк утыр,
Каләм ал да, мине тизрәк язып тутыр!

Уй-хыялы тавис коштай балкып торды,
Бизәк булып сүзе күзгә тартып торды.

Шигырь йортын сырлар салды Ломоносов,
Пушкин аны бизи барды һәмән үсеп.

Жыр дәүләтен Державин карт яулап алды
Ләкин анда хәким булып Пушкин калды.

Ә Карамзин гыйльми шәрап салды жырға,
Пушкин шуны эчеп бетерә алды жырда.

Патша исеме Николайны кемнәр белә?
Татарлардан Кытайгача жирләр белә.

Ә Пушкинны жирдә бөтен яklar белә—
Аның данын яшьләр аңлай, картлар белә.

Даһи акыл итеп Төньяк тындыр аны,
Ә Көнчыгыш якты айга тинди аны.

Без беләбез: Жир, һава, Ут, Су булганын —
Һәмәбәзгә шул дүрт әнкә тудырганын.

Һәм әйтәбез:—Жиде кат күк—әткә,—дибез...
Әмма ләкин жирдә һичбер чакта, дибез,

Пушкин кебек улның әле туганы юк, —
Андай акыл һәм сәләтнен булганы юк.

Әйтим ләкин, син тынларсын исен китен:
Шул әнкәләр, шул әткәләр һичек итен

Шул кадәрле мәрхәмәтсез булды икән?
Ник Пушкин юк? Ник вакытсыз үлде икән?

Үтерделәр... Кызгансан да күпме хәзәр,
Пушкин дәшмәс... Ярсу йөрәк типми хәзәр.

Килде болыт, кара явым күкрәп койды,
Ауды имән—әйтерсең, жир тетрәп куйды.

Жилләр исте—күңел уты сүнде кинәт,
Дошман кисте—гомер гөлә шиңде кинәт.

Жырлады ул—еракларга китте даны,
Агулы чор жылан ашы итте аны.

Былбыл кунып сайраган гөл, юк ителде,
Сүнде йөрәк—жыр агылган юл киселде.

Жырчы саф жан очты күкрәк читлегеннән...
Халык елый ачы кайгы күплегеннән.

Рәсәй үкси әриеп берүк фикер белән:
Явыз жаннар жыр гигантын үтерделәр.

Сихерләүче, каргышлы күз карашыннан
Коткармады тылсымлы сүз дәвасы да.

Жирдә синә дусларыңнан аердылар,
Ииде тәдрәң кабул итсен хәер белән.

Ә кабренә фонтан-фонтан хуш ис сибеп
Бахчасарай шаулар—бетмәс ул һич кибеп.

Тиңли Кавказ сине таулар нуры белән,
Сагына сине ул Сабухи жыры белән.

А.С. ПУШКИНЛЭН КУЛЭМЕЗЛЫ

Одиг чырым но кблытэк пуки уин.
Сюлэмелы, малпан утиселы, шу:

— Малы чуж үчмед чалмиз чебер саад?
Кыллы-бырем папа малы кылтэм луиз?

Малы кылбурьёсыд уг жингырто али?
Шат, малпандэ шунды куасьтыз, көс төл нуиз?

Тон учкы-ай: возьвыл сяська пёртэм тусо
Син мальдымон пиштэ — тани тулыс вуиз.

Возьёс вылтй пичи шурьёс жальыртыло,
Сяськаослэсь кучо шобрет тулыс куиз.

Быдэс кырвил виль кен выллем дйсяськемын,
Горд сяськаос чебер изьёс кадь жуало.

Садын сяська коронаен вож писпуос
Вавь будосьёс пблын шахтёс сямен сыло.

Нош лилиос но горд махтёс, сябась карса.
Тюльпан сюмыктёсьсь лысвуэз юыло.

Вавь лудьёсын жасмин юг-юг сяськаяське —
Соия тйяи нарцисс синтёс но мальдыло.

«Я, лыктэ куноос!» шуныс кадь үчылэн
Ыиаз роза сяська — кузьым, лэся, оло.

Садтёс вылэ пилям но дась ни зорыны,
Чукна төлэн чешкыт сяська зын кыляське.

Зарпотьку тылобурдо жингыр кырза:
«Я, вожекты, музьем! Тулыс тонэ миське!»

Бен, котькуд будослэн аслаз Зечез луэ. —
Никуазь шумпотонын соия со даньяське.

Танз чеберешаз ваньээ палёмыт,
Соиз яратыса учке но лудзиське.

Куректонтёс өвбл, мылкыд калчи, шулдыр!
Эктон, шудон, кырзан бусы тыр шуккиське!

Пош тон, сюлэм, малы сокем мбтмыт но жум?
Гань-гань умдэ уг лу-а ма палэнтэмед?

Тон кбня малпаськод вал — ваньээ вунэйд.
Кылбурьёсын уг пот ни-а шумпottэмед?

Тон малпандэ чебер чонатонэн бурдыад,
Всесез кадь, чурьёстэ луэ вал сүзьемед.

Бен, мар луиз али? Малы куректйськод?
Секыт мылкыд зйбе, лэся, тон измемер.

— Матись эше, одйг эше! — сюлмы шуиз, —
Туннысыен тон кельты огнаме монэ.

Возьвыл сяська сямен, бй малпа мон ачим
Тулыс бере кышкыт сйзьыл жог вуонэз.

Тодсал ке, поэты кыл-меч мон сётысал.
Дан басьтыны мон ласясал ожмаськонэ.

Азьвыл ик тодйсько: йонтэм муртйёс кужмо,
Уз пёрмы малпанэ, матин ни быронэ.

Визьтэм тылобурдо визэ но адйса,
Кенэм поина лобзэ одно ик жимонэз.

Данмы бен мар? Сэзь мылкыдмы нош мар сыче?
Ляб гудыри кадь ик выёс вунэтонэ.

Эи малпа азыланез! Бадзым визез туэ
Улон куаса — куштэ. Өвбл ни лаймонэз.

Тон Пушкинээ бд тоды шат, оло вунйэ?
Од кыл-а со поэзиян йырыз шуса?

Кылбурьёссэ гожъян дыръяз чөм ушьязы,
Солэн данээ ветлйз котыр гудыръяса.

годскод-а Пушкинээ? Юг бумага ассэ
Косэ вал събдманы Зырдыт кылбураса.

Солэи кылбурьёсаз кыл сяськаос пишто,
Павлин вামышьяку сямен лельыраса.

Поэзи дворещез чеберьяз Ломоносов,
Нош Пушкинмы огназ отын куёе луиз.

Поэзи шаерез басьтйз, вормиз Державин,
Нош Пушкинмы гинэ визь-йыр отчы пуксиз.

Узыр визьбур-вина люка вал Карамзин,
Нош Пушкинмы гинэ сое былдэс юнз.

Микол эксэй Китай дорозь гинэ тодмо,
Нош Пушкинлэн данээ вань дуннессэ вёлмиз.

Восток калык виль толээзэз гажам выллем,
Уйпал калык солэсь визьээ туж яратйз.

Сизьым инбам, омыр но тыл, музъем но ву
Оз вордэ вал такем чылкыт визьмо пизэс.

Паймод ке но, я кылзы на та веранме —
Мумиз-аиз кызы виизы визьпогзэс.

Кулон ваись ньёлэн шораз ик ыбизы, —
Улон вирсэр чигиз, кыниз солэсь синтээ.

Соос ик косыса, пилем шуккиз йбэн,
Улон писпу вайысь емыш усиз музэ.

Вань мугорын соку чылкак пеймыт луиз,
Сьбд төлперн кысйз визьмо муртлэсь тылзэ.

Садээ утись кораз лек тйреныз, озы
Чебер вож писпулэсь быдтйз со улонээ.

Кый мылкыдо вакыт кыйкар кариз солэсь
Али гинэ чылкыт, визьмо малпасэ йырээ.

Сюлмыз учы чирдон сяська убо ке вал,
Али куасьмиз но кийбоды мычиз веньзэ.

Лулыз-тылобурдо лобзиз мугорысьтыз,
Курыт синву сутйз зеч калыклэсь синтээ.

Вань Зуч музъем викушьяса вера, бёрдэ —
Овёл ни Пушкин, со быриз, со виемын.

Сое зэмлык бз уть, сое вормиз ишан,
Визьмо кылбурьёсыз огназы кылемын.

Асьме дорысь кошкиз, вань эшьтэссэ кельтйз.
Тон пумита, аллах, сое зеч мылкыдын!

Бахчисарай шорын ялан бёрдйсь фонтан
Роза сяськаосты пызтэз синвуосын.

Юг пурисьтам Кавказмылэн куруктэмез
Сабухилэн татын синву пыр верамын.

А.С. ПУШКИНЫҢ КОЛЫМЫЖЛАН

Кумыде шинчам, йўдым шинченам,
Поро шўемлан ойгын ойленам:

«Чудым шўшпыкет шыпланен молан?
Силне попугай мондыш мо ойнам?»

Муро дек молан петырнен корнет?
Писе уш молан кудалтен мемнам?»

Шошо толылден. Йыр пеледыш-влак
Чинче-вунчыла слынештат саднам.

Роза тўзланен, тулла пеледеш,
Лай фиалка-влак авырат вўднам.

Степын ўдыр сай. Пўлеклаш тудлан
Курык-влак пуат шергакан кўйлам.

Ал вуйпидышым вачышке пыштен,
Сад шога нўлтат, шахла койлыден:

Тудын кушмо верч йўйт лилий, мак,
Ший тюльпан коркаш лупс шырчам поген.

Пўртўснам темен толкын нар жасмин, —
Анырга нарцисс, нунын вак ончен.

Эскерен нумал, шўшпык-влак кондат
Розам пўлеклаш: «Ужина, родем!»

Кушкылым нўрташ пыл вузалт толеш,
Тудым шымата ныжылге мардеж.

Кайык-влак мурат кушкыллан эрден:
— Рок гыч писын лек кечылан вешеш!

Кажне кушкылын уло шўм пўлек, —
Кондыш пўртўснан пеледмаш лўмеш.

Икте, чолгыжал, таңжым савыра,
Весын ныжыл шўм, йўратен коржеш.

Жапым өртарат веселан, татун,
Шўлык нунын деч курымлан куржеш.

Молан гын, шўем, орлыккан улат,
Монденат ласкам, нералтет алят?

Тый от ўж нигуш, вуемат яра,
Чап ден муро вий йомыч йоршынат.

Ойлы-ян, шўем, тьяк огыл мо,
У мутлам кычал, келгыш пуренат,

Шонымаш-влакем сылнын тўрленат,
Чинче гай строкам пырчын погеат?

Мый ом керт пален, ну молан тынар
Кызыт ойгырет, тулык гай улат?»

Шўм ояла тыге: — Таче гыч, родем,
Эрыкым пуэн, мыйым кай коден.

Шошым деч вара толын шем тўтан, —
Мый пеледышлак ыжым керт пален.

Эх, пален пуаш ыле поэтлан
Чап верч кредалаш кердым кучыктен.

Но палем: жапна шучко да чоя, —
Шонымем садак мый ом керт шуктен.

Шурно пырче верч угыч шаронаш
Мийше кайыкым мо кертеш саклен?

Чап ден доблесть верч нўлтшб йўкйўан
Кўдырчб гаяк коранеш гўрлен.

Мом оялаш? Палем: курымна колта
Кугу ен-влакнам шортын ужатен...

Але Пушкиным от шарнал, родем?
Чыла поэтлам тудо вуйлатен.

Тудым мурыжлан күш нӧлтен тӱня
Да тӱжем пачаш нойыде моктен.

Тудын возымо шӧртнӧ шомаклан
Ош кагаз листа чытыде вучен.

Тудын шонымаш, тудын тул шомак
Лач павлин гаяк йолгыжалт йӱлен.

Ломоносов суртым поэзийлан тӱрлен,
Тушко Пушкинын темын шонымаш.

Кеч Державин злым поэзийлан ыштен, —
Тушто Пушкин шкет чын оза улмаш.

Карамзин темен шинчымаш коркам, —
Тудым Пушкинлан лач пернен йӱаш.

Тудын чап шарлен уло мланде йыр,
Николайын чап йомын тӱтыраш.

Тудым раш ушлан йӱратен Йӱдвел,
Тылзым лач тыгак пагала Эрвел.

Шым ача дечын ныл ава* ыш керт
Тудын гай уста эргым шочыктен.

Но ача-ава, эргым куштымек,
Лийыныт осал, шыде тудын дек.

Колымаш пикшлан лийын лач мишень, —
Пӱчкылтын вӱршер тудын рвезынек.

Шем виян шолем кӱрлын тул саскам, —
Пушто мурызым, нунын куштымек.

Озыркан мардеж йӧртыш чон сортам,
Рӱмбык петырен капшым, колымек.

Да садовникын пеш осал товар
Тудым сӱмырен шем вынем воктек.

Норым шонышо волгыдо вуеш
Кишке верланен. О могай ӧйгек!

Шӱшлык мурымнан роза гае шӱм.
Пытыш. «Ир пелчэн, маньыч, кушшо тек».

Шонгым, рвезымат ойго ишыктен,
Кайык чонештен ол гыч мӱндыр век.

Ойгыра Россий, шортын мӱгырен:
— Пушто Пушкиным шем палач, орен.

Шем виян ю деч, озыркан вий деч
Талисман ыш керт тудым утарен.

Кодыч тулыкеш таян-вялкъшат иляндеш,
Тудым нал, аллах, шкендын шӱм пелен.

Да Бӧхчисарай шӱгар вак колта
Роза ӱпшымат, фонтан деч поген.

Мый, Мирза, мурем, — чал вуян Кавказ
Муро гоч шортеш таче, ойгырен.

* Шым ача — шым кава; ныл ава — мланде; вуд. юж да тул.

А.С. ПУШКИН ВАЛАРАХ

Ваьглар со Іаьржача буса наб йоацаш,
Дегага яхар аз: хет сона тамаш!

Хьа беша хозаш дац новцІолга илли.
ХІана дац хозаш хьа хоза кьамаьлаш?

ХІана гу дІакьайла поэзен хьа никь?
ХІана сайцай хьувза хьа цІена уйлаш?

Енача бІаьстено хоздаь да Іалам,
Гой, хьажал, бес-бесар лепаш да зизаш.

Гоннахьда тоатолгий берд-йистош хозьяь
Розай кІорапаш я цІи санна йоагаш.

Аренаш хозьенни нускал ше санна,
Лоам-бухе бес-бесар кьартІой да кьегаш.

Бешамашта юкье зизаша хозьяь
Іалама паччахь мо гаьнаш я ягІаш.

Цар моаршал тюльпаній бакалшчура,
Зизаш да гІоздаьнна Іуйран тхир мелаш.

Жасминаша хозьяьй кхоллама ареш,
Лепача хозалца кхоалладеш бІаргниш.

СовгІат де доаллаш мо зІокарца лавьа,
НовцІолг да тов мо из цІе зиза ловзош.

Морхаш зизашта хий тоха кийчьенни,
Іуйран фо тоам барца да хьесташ зизаш.

Іур-Іурра декаш хул уж оалхазараш:
— Хозле, гучадовля, шо зизаш яхаш.

Бес-бесар хозненаш йолаш да Іалам,
ХІара яр ший тайпар я белгал ювлаш.

Цхьадолча зизаша ххайкабу безам,
Вождараш дегашта хул йовхо телаш.

Массене безаме дІакхухь цар шоай ха,
ЦІаккха хилац цатоам, е гІайгІа йолаш.

Са дог хьо хІанад-те гІайгІано диза,
Набарах хьо ма дац хьакета могаш?

ХІаманца безам бац, хьо маьлхар да дог,
Керта чу ма ягІац хІанз сона уйлаш.

Хьо дацар иллешта уйлай фордалар
Лийхар жІовхар санна уж цІена дешаш.

Хозах йола уйлаш Іа гІеттаярах
ЖІовхарца кийчлора са илле мугІраш

ХІанз со кхеталуш вац, фу гІайгІа кхьачай?
ХІанад хьо балане, хІанад хьо делхаш?

Жон делар са дего: са цхьоал доттагІа,
Тахан денц хилалахь со сайца дуташ.

Арен зизайл башха со дацар кхетош
Миха тІехьа гуйран дарц хиларх хьокхаш.

Кхеталахь, поэзен баьречо ший сий
Низ болча дешашца массаз хул доаккхаш.

Цхьабажьда, йицьяц аз укх заман хоарцо,
Хоарцоно хилтац лерхІаш дар кхоачаш.

Іовдал да оалхазар, ягІа боанг гуше
Фийг бахьан из хуле цунна тІа гІерташ.

Сигленаш кьегаше сега тІоа санна,
Кьонахчул, сийлалла хул гоннахь холуш.

Кхьадараш ма дуца, дац сона эшаш —
Сийлахь кьонгаш боврах зама я кадаш

Хазанза ва-те хьо — поэзен корта —
Сий дола из Пушкин массанахь вуьцаш.

Сий дарца, хам барца цун говзал бахъан
Дунено Пушкин вар гоздаьнна вувцаш.

Клай каьхат ма хулар оагIонаш йийле
Пушкина йоазонца Iаьрждарах хьогаш.

Цийцарга болар мо цун тайжа уйлаш
Эзараш хозаллаш шоашца яр йолаш.

Ломоносовс хьальйир поэтен гIишло,
Бакьда, из хозьяьр дар Пушкина иллеш.

Державина говзал хинни низ болаш,
Пушкина говзал яр цул а низ болаш.

Карамзина иллеш далей кад бизар,
Из меннар Пушкин вар бизза чам боаккхаш.

Николай-паччахьа цIерал яр яьржа,
Пушкина сийрда цIи дунено сий деш.

Малхбоален даггара вар из хьамсара.
Малхбузе бетта мо цун ма яр сий деш.

Хиннавац кхы цхьаькха Дунено кхелла
Иззамо хьаькьалах ше виза волаш.

Цох Iа томаш е мег, — хилар-кха цунца,
Цун кхоллам цхьаккха а кьахетам боацаш.

Йоажало хоададир сийрда цун вахар,
Цун валар эзарзза да дега Iадкьаш.

Кьизача приказах техача пхоно
Дог лаьцар, пхс лаьцар, цун вахар хоадош.

МоастагIаша йоайир цун сина сердал,
Iаьржача лахьтача оздий дегI дужош.

Кьизача бешхочо га хгадош санна,
Хоададир цун вахар кьахетам боацаш.

Сийрдача уйлаех биза цун корта,
Кьизача замано техар, божабеш,

Оалхазара дар санна иллейх диза
Хинна дог соцадир лаьттаха одеш.

ДегIацар сийрда са цун кьастар бахъан
Кьаьна, кьона мел вар ва гIайгIа йолаш.

Беррига эрсий мохк кодам беш, белхаш,
Ба Пушкин вийначоа дагахь вий кханкош.

Хиланзар низ кхоачаш Iоажалах ваккха
ХIейкала низ бола цун хоза иллеш.

Лаьттарча доттагIех кьоаставир хьо дIа,
Аллах хилва хьоца кьахетам болаш.

Бахчисарас Iа дегIа уж зизаш,
Хьа каш тIа дагIаргда бIаьстан фо цIендеш.

Хьо валар лоа цалуш йола тха Кавказ
Сабухе стихашца я хьа кодам беш.

А.С. ПУШКИН ӨЛБҮТҮГЭР

Түдүк бараан түүгигэ утуйар уубун үмнүбүт буолан,
Нохтолоох сүрэхпэр этэбин: тойон сүрэхим, ылаа!

Туохтан кэбиннэ эн кэбиг кэрээбэт кэисээнэ?
Туохтан ымы чыпчаабыг ылаабат буолла?

Туохтан сабылына эн ыраас ырыаг ылыга?
Туохтан санааг арыалдыта саймааран хаалла?

Көрбөккүн дуо — саас кэлэ, сир кэрэ симэбинэн —
Күн ашнын кэрэ сибэккитинэн күн сирэ туолла.

Саба үүнүлэр көмүс үрүйэбин — биз эмийдэрэ,
Үрүг сибэккилэр кырдаал сирдэрбэр кылаппачыстылар.

Истиэп килбиэннээх кэйинтэ кизгэммэтэбин кизргэниэ,
Кинини күндү тааһынан симээри таас хайам чэчириэнэ
сабыллар.

Саад мастара сир симэбэ бэргэһэлэниилэр,
Уонна улуу Шах курдук улуутуйан тураллар.

Кинилэр тустарыгар иһээри мэтээстэр, лэбинни кытта
Сиик таммабын сүүтүк отторго куталлар.

Сыһы мунуан алтан от күн күлүмүнэн күлэр,
Кинилэр килбиэннэриттэн кинс хараба көрбөт буолла.

Соловей барахсан «Нөрүөн нөргүй!» диэри
Роза нарын туорабын тусугар кыбытан ажалла.

Сибэкки минньигэс сытынан туолла сассыардааны
сиккиэр.
Уулаах былыттар сир симэбин ибинэргэ огостон
тураллар.

«Чэй, талыы-мааны сирэм, сиртэн аанһан табыс!» —
диэн

Сарыалы көрсө нарын чыпчаахтар ылаһаллар.

Үүнэр үүнээйи барыта туох эмэ кэрэлээх,
Туох эмэ кэрэ бэлэби айылба ыһабаар абалар.

Сорохтор сүрэх сөбүлүүр кэрэ дьүһүннээхтэр
Сорохтор минньигэстик тынан таптымыллар.

Көрү көбүлүттэн тутар онно хас үүнээйи барыта,
Санныбар санаа онно умнуллар.

Үөрбөт-көпөт, өрөгөйдөө бөт буолбут, т: "он сүрэхим!
Тобо эн улук уугуттан уһуктубат буоллууг?

Эн түгэххэр туох да сөнгмөт, ханнык да санаа хатамат,
Албан аат, ырыа ымыыта эйиңгин долгуппат буолла.

Эбэтэр мин чөмчүүк таас курдук хоһоон тылын хомуйа
Санаа байбалыгар умсар сүрэхпиттэн атын буоллуог?

Эн тэңиэбилинэн киэргэтэриг талыы санаалары,
Оһуор аанһарыг тыл нарыннын талан.

Эт эрэ, туохтан санааг саппабырда?
Туохтан харыастабын уоттуу умулла?

Итиннэхэ мин сүрэхим хардарда: арыалдыт атаһым,
Аныгытын эн мингин агардастыгы хааллар.

Сир симэхтэрин курдук, мин эмиз билбэт этим
Сиккиэр тыалы солбуялларын хахсаат тыаллар.

Мин сатыы сагабын, аттаах ырыабын
Охсуһууга ытыгарым ох тыллаан.

Ол эрэри мин билэрим удаһыннаах үйэм
Халбас харатын, баба санаам татым аналды

Аар акаары буолуохтаах биер сизэм ымысытыгар
Добурга киэрэр чыпчаах — халлаан кыыла.

Хоһуун дьайыы, албан аат дарбаана
Кизиг халланга этиг этэрин курдук буолар.

Түксу, аны эн санарыма.

Мин билэбин — улуу дьон толуга үйэлэргэ аабыллар.

Тыл аармиятын буйун бухатымырын — Пушкин туһунат
Ама даһаны билбэт этинг, мунгур санааллаах?

Улуу сурахтаах Пушкины хайтах билбэтэгий?!
Кини поэт этэ нарын тыллаах, саталаах санаалаах.

Албан аттаах улуу Пушкины ама билбэкиэн:
Кини иннигэр сытар маған кумаахы — хараара охсор
бир бағалаах...

Халлаан кустугун тыһымнча өгүнүү
Күлүмнүү оонһуура хохуйар хохоонно, этэр тыла.

Ломоносов киэргэппитэ ыра алаһатын,
Ол алаһаны толорбута Пушкин таптала.

Державин ыра добуң кыраайын сэриилээн ылбыта,
Ол эрэри ол добуң дойду — Пушкин эрэ анала.

Өскө Карамзин бакаалы билиң аргытынан толорбут
буолабына,

Пушкин испитэ ол бакаалы.

Өскө Ньюкулай ырааһаабы Кытайга тиний биллэр
буолабына,

Аан дойду барыта Пушкин аатынан туолла.

Кинини күң санаатын иһин хоту дойду таптыыр,
Илинги сирдэргэ ый тэңнэбэ буолла.

Итинник өркөн өйдөөбү, ыраас ырыалаабы
Төрөтө иликтэр ийэ сир уонна аҕата—сэттэ халлаан.

Билгин эн соһуйума, мин этнэм эйиэхэ, кинини
Аһымматахтар диэн ол айбыт Айышлар.

Өлүүдээх обу киниэхэ салайбыттар,
Өркөн өйдөөбү суоруна суоллаан.

Хара дьайдаах былыт биң муус-толоно
Быһа түспүт кини тыһын, кинилэр санаалара буолан.

Кини эдэр олобун чэгизн тэтигин
Быһа далайбыт хара санаа сыты батана.

Өркөн өй уйата буолбут кини чөмчөкүтүн
Мобой майгыллаах үйч мобойдорго ылла

Кини генийин ымыта шллаабыт сибэки тиннээх
сүрүбүн

Өспүт өлүгүттэн долобуна тыллар

Икки атахтаабы ыар санаа кууста:
Кини сырдык тыһаа чыһаах буолан көтөн хаалла

Ыар аһымттан ытымырн быһыгар Россия эбэ сағарла
—Палач хааннаах илиититтэн өлбүт Пушкин суоруна
суоллаах!

Хааннаах былаас антаах ап-чарайыттан
Эйиңиң быһаабаты бэл—ырыан ымы тыла.

Орто дойдутаабы доботторгуттан эйиңиң араардылар.
Ол онугар үөһэ дойдуга амарах буолдуң Аллаһ

Бахчисарайга үүннэрбит икки ризаң сымара эн унуох-
хир

Фонтан буолуохтун сааскы тыаллын.

Ити ыар сурахан баттабы манхайбыт Кавказ
Ыар аһымтын эттэ Сабухи ырыатынан сағалаан

А.С. ПУШКИНЫ МЭЛЭТЫЛ

Дысон бастадтөн бынтон,
Кодтон талындыжы фыдэхсэв, —
Æз мае зæрдæмæ дзырдтон:
О, мае сыгъдæг сæнтты 'мбæхсөн!

Зæгъ, цæуыл кæныс тæргай,
Маргъау та цæуылнæ зарыс,
Ие дæе туги-полугай
Дзых цæмæн æхгæдæй дары?

Зæгъ, цæмæн фæдæ æмыр
Де 'рдæг зарджыты зæллангыл,
Ие—дæе рæсугъд сæнттæ ныр
Ценнæ рацæуыци фæндагыл?

Акъæс, уалдзæг нам æрхызт,
Алы зайæнхал—йæ тынгыл,
Фæзтыл, къуылдымтыл сæ хуыз
Калыци уардитæ сырх зынгæй;

Уайы уыгæрдæнты дон,
Быттыл дидинджытæ хъазыци,
Хуримæ сæм худы бон
Æмæ райгæ цардох нуазыци.

Быдыр, ног чындзау, фæлыст,
Калы стъалыты цæхæртæ;
Дзæгæй рахæссы хъæбыс
Хох зынаргъ дурты лæвæрттæ.

Дыргъдоны лæууыци къуындæг
Алы дидинхуыз бæлæстæ
Æмæ, паддзæхтау, сындæг
Худыци, алырдæм фæлгæстæ.

Лили раней-ран фæцъæх,
Райста урс тюльпаней нуазæн
Æмæ хъоппæджимæ 'ртæх
Хъæды цæрæнбонтæн нуазы.

Æрда ны хъарм фæлмæн æрнис! —
Риуыл цас тыфхæд ныссагъта,
Уый куы ауымта нарнисс,
Уæд йæ цæстыхаутæ 'ругъта.

Булæмæргъ «æгас цуай, цард»
Бæрзы къалиуæй ныззарыл
Æмæ нал лæууы æнцад, —
Дзыхæй дидинæгсыф дары.

Æвратъ — урс бæмбæг—тырны,
Зæхмæ хъарм цæссыгтæй хауы,
Рог сæууон дымтæ хъырны,
Бæстыл адджын уддзæф тауы.

Райсом цъиухъæлæстæй хъæд
Сисы мин-мин мыртæй зарын
Æмæ д тинджытæ уæд
Зæххæй хъулон сæртæ сларыци.

Алы зайæгой хæссы
Хи рæсугъд фæлыст йæ уагæ,
Æрдзы базаримæ кæссы
Æмæ хи хуызæй æппæлы.

Иу сæ афтæ у рæсугъд,
Æмæ зæрдæ бафты дисыл,
Иинæ уарзынимæ йæ уд
Арф улæфтытæй æвдисы.

Се 'ппæт хъæлдзæджы рæстæг
Райыци, мондагисгæ, нумæ

Аема нэл уадзыни хэстэе
Сагъэс аема маст сэхимэ.

Зердэ, уэд дэуыл ны 'рыд,
Ценна цин кэныс сә уандәй?
Ави де 'стыр ныфс ныфтыд
Аема нэл хьал кэныс фынтәй?

Зердэ, ды кэныс аекъард,
Сәр та рухс хьуыдыхьом не сси, —
Риуәй алыгдысты дард
Сәнттә, кад ама поэзи.

Ави цин фәтахт дэуәй,
Аема уыцы зердә нэл дә,
Стихты чи кодта фирнай
Алкәд ленк ама цәхьалтә?

Алы рухс уәздан хьумлы
Алы ирд барантәй барстай,
Ричхь ричхь фәдыл ныч ды
Раст хьуырыфәргуытау ластай.

Уэд нәуыл аекъард дә ныр,
Сагъэс дәм кичәй ирхаудта,
Цавәр мастәй дә тыппыр,
Ие—цәмәч ыскодтай саутә?

Зердә загьта: — Иу лымән
Мемә сонты бонты рамыд
Аема нэл ис уый мәнән,
Ныр мә нуногәй нуууадзут.

Хьәды дидянтау, сәз дәр
Сом ны 'рнәудзән, уый нә зыдон:
Хурджын уалдзәджи фәстәе
Хьыат кәй раләууы фәзыген.

Не 'азәг не 'рзәй у ... ар,
Калджын тох дзы кәнәг хьуамәл
Аема ме 'стырдәр хәлар
Райста ирд сәвзәджи хьама.

Фелә заман у мәнгард, —
Бастьелыниц ләгән йә сәнттә,
Хинәй афеливы цард
Аема ләг кәны аерхәндәг.

Уыцы маргь кәм нәу сәлхәр,
Къәппәг чи фәкәны ну уынд
Аема нәмыгәй уәддәр
Ног сайд чи уадзы йәхиуыл!

Не 'хсар намысы ләгән
Раст бәрзонд әретау фенәры,
Фелә ныр зынд у мәнән,
Стыр ләг чы уадзы кәй цәры:

Уый куы равдыс йә зонд —
Фыдты бахауы йәхи сәр...
Ави нәу дәуән зындгонд
Пушкин—дзырдты 'фсәды хистәр?

Уыцы Пушкинән йә цыт
Уыд йә хәрдгәбыд ныхасәй
Аема арвәрынау цыд
Бәстыл, дунетыл йә ризәй.

Уый куы зарыд зарәг, уәд
Зердә ирвәэти йә рыстәй,
Ради урсурсид гәххәтт
Уымән, саугәнгә, йә фыстәй.

Уый цы дзыхарәхст уыд, цы!—
Уыма хьусыс аема — тайыс,
Дзырд зәгъәд әрмәст, уәд дзы
Мин әрвәрдыны умлтаис.

Рух поэзийы мәсыг
Ломоносовән йә конд уыд,
Фелә уым әрцард фәрныг
Пушкин йә 'мбисонды зондәй.

Айтыгьта Державин дард
Рух поэзийән йә бәстә,

Фæлæ хицауæй æрцард
Кадажын Пушкин уым йæ фæстæ.

Байдзæг кодта Карамзин
Кæхи поэзийы сырх сæнай,
Фæлæ уыцы кæхцы 'фсин
Пушкин разындис æвæгæй.

Кæд Никъалайы зылтой
Ам, Тæтæр æмæ Китайы,
Пушкинæн та уæд йæ кой
Дун-дунетыл уадау уайы.

Хурыскæсæны бæрзонд
Ног мæй хъуыдыты куыд бады,
Афтæ Пушкинæн йæ зонд
Кадажын, уарзон у Цæгаты.

Уый куыд узæлди дæгыл!
Ахæм арфзондджын зынаргъ фырт
Иу мад, иу фыдæн зæххыл
Цардцæрæнбонты нæ райгуыр.

Фæлæ байхъус ныр мæнмæ:
Уый цы мал, цы фыд ниййардтой,
Уылон се 'зæрин фыртмæ
Алкæд дурæрдæ куы дардтой.

Уылон маргæйдзæг нæмыг
Райстой, Пушкин та нысан уыл...
Ох, цæй хъыг мын уыл, цæй хъыг! —
Нæмыг тугдадзини бацыд.

Иунæг ихы къæрттæй раст
Дыргъ куыд æрхауы бæласæй,
Афтæ уый фæни тыхсаст
Маргдзых адæмы ныхæсæй.

Аци судзгæ цард шыбыр,
Рахауд рухстауæг ыстъалы,
Ирд цæхæрцестыты ныр
Бацард сау æнусон талыг.

Уый сæр—царднывтæ хæссæг —
Раздæр буц сæнттæ кæм тыдта,
Уым ныр калмуарзæг рæстæг
Бирæ калмахсдæттæ сбыдта.

Зæрдæ—уардийы къуыбыр—
Ради, булæмæргъ дзы зарыд, —
Баруади, йæ бæсты ныр
Кæон сынз йæ къоппа дары.

Маргæу, дард æмæ бæрзонд
Атахт уый уд фидар буарæй
Æмæ 'взонг æмæ зæронд
Сау фыдохы бон æвзарыци.

Ниу, дзыназгæ, хæр дæхи
Ды, уырыссаг зæхх, æдзухæй:
Пушкин цардæфтыд фæци
Саузæрдæ лæгмарты къухæй.

Дæу нæ бахызтой зæххыл
Де 'рдаг уацмыстæ мæлæтæй
Æмæ 'рындысты дæуыл
Знæгты хин æмæ кæлæнтæ.

Дæу æгъатырæй мæлæт
Байста де 'нувид лымæнтæй,
Ныр дæ хъæхъхънæг фæуæд
Мæрдты бардуæг дзæнсты.

Уыл Бахчисарай дæуæн
Аджын: уарди уарзтай бирæ, —
Ныр дæ ингæнмæ дæтдæн
Уалдзыгон фантан эфиры.

Мары дыл Кавказ йæхи,
Сурæ йæ сир, æрхауд йæ риуыл,
Æмæ стихтæй Сабухи
Саутæ скодта ныр йæхиуыл.

А.С. ПУШКИНИ ЕЛГЕНИНЕ

Кёзлериме кьалкьыу кирмей, кьаранъы кече олтураем,
Джюрегиме «аламат талпыу хазна» деб сираем:

Гюл бачханъы джырчы бул-булу н к кьойгъанды джырлагъанын,
Сеир сёзю папугайы нек бардырмайды ушакъларны?

Бушуу нек басханды, назмуланы талпыу алмазча кт-олгъа.

Иги муратларынъы келечиси нек чыкъмайды джолгъа?

Къарачы, джаз келиб дарий кюйюзча, айбат биенликде
Тюрлю-тюрлю джасаннъан гюлле шыбырдайдыла джелчикде.

Фиалкала кёзлеу илипинни джагъларын джасадыла,
Розала джилтинлеча башларын ачыб башладыла.

Табийгъат кызла джасаналла алагъа саугъа этерге,
Накъутналмазларын тегедиле хансла тау этекледе.

Къурмашча чагъадыла тереклени кёкен бутакълары,
Есюмлени шохларыча, кенге ачылыб кьучакълары.

Къына бла дарий къанат къачхахачаланы саулукулларын
Ичелде толтуруб къаншаутошгенини назик бокалларын.

Кёз джетер джерде айырылыб османы бек кёблююнден,
Алагъа къараса, къамаб суу агъады нарциссини кёслеринден.

Джырчы Булбул «сизге ашхылыкъ» дерге башлагъанча кьычырыб,
Саугъланы тутханча, турады аузуна гюлно кьысыб.

Гюл бачханы сугъарыргъа булут хазыр болуб турады,
Эртденни аязны къанаты аны солуун тыяды.

«Къырдышлы джерни тишлеча джарыб чыгъыгъыз арну хансла»
Деб эртден сайын назик тауш бла джырлайла чьбычкъыла,

Хар ханс кесича аламатды аямай омакъ джасаныб,
Табийгъат базаргъа чыгъады саугъасын алыб.

Бири аридудукъ эмда кукалыкъ бла джарытад джюрекин,
Экинчиси солуунда алгъышлайды роза суймекликин.

Ала бары да къуанадыла, къюнунда джарыкълыкын,
Емюрлюкге таулаб къайгъынны эм ауур мыдахлыкын.

Неда сен, джюрегим, сеир къуанчдан зор бла айырыла,
Къаршыч джерленибми къалдынъ къалкьыугъа джол салыб.

Башында илгиздик болуб акъылы, къалмай учуннъан
Затынъ, джюрегим узакъдаса назмудан, иги муратдан.

Тынчлыкъсыз тенъизде арымай джюзюучю, джюрегим,
Аламат назмула тутуучю, джюрегим!

Сен тюлмень аламат сёзлени тенъешдириб джасаучю,
Къюньурау тизгинлени окъа халыгъа тагъыб башлаучю.

Нек басды аур мыдахлыкъ, не болган эди санъа?
Кюйюб нек бараса, нек киндинъ ауур бушуулу къара?

Деб сорсам : инъе, шохум, тенъым аллай кюн келди,
Бюгюнден ары кесими джанъыз бир кюй — дейди.

Гюллеча, мен да билмейем ашыгыб келликлерин,
Джайгъы кюнледен сора сызгырыб, къачны суукъ джеллерин.

Энди бил сен да назму атынъч аузун кючлюк от чакъдырыб
Махдау ючюн хюреште таукел джибереме ашырыб.

Алай'а къыйынды бугъюлаучю залим заман
Билеме тутхан муратына джеталлыкъ тюлдю адам.

Телид кьанатлы темир ауну сынагъандан сора
Тары бюртюк ючюн башласа кесин ары ура.

Махдау бла эрликни таушу тохдаусуз кёб джашайды,
Кеси да бек миикде кёк кюкюрегениге ушайды.

Билеме сенсиз да, джукъ эшитдириб сагъынма меннге,
Анъылагъанланы бусагъат заман джыйгъанын тюргеге.

Сен билмеймисе, эшитмегенмисе, сеирлик хапарын
Назму аскерлени башчысы улуу Пушкинини атын.

Минъ кере махдау берилген джырчы Пушкинини атын,
Аны саулай дуня талпыб окъуучу атын.

Къагъытны акъ бети кьаралаед талпыб
Ол башласа алакат назмуларын джазыб.

Алтын таукъ кымылдагъанча, аны муратларына,
Сёзле ууланыб кёрюнюченелле джанкъылыч суратла.

Ломоносов орнатды чемерлеб табигъат-тохананы
Алай'а Пушкинини иги муратлары толтурду аны.

Державин болду эсе таймазлыкъ назму кьралны иеси,
Анда атын айтдырады Пушкин джанъыз кеси.

Карамзин толтурду биле а якъны чагъырдан
Пушкин таукел ичиб бошады джукъ къалдырмай андан.

Николай белгили эсе Татариядан Къытайгъа дерн
Пушкинини уа бек усда биледи хар адамы Джерни.

Шималда сюеидиле кюнча джарыкъ акъылын аны,
Шаркада багъалатханча тюрсюнюн кёкде джарты айны.

Аныча акъыллы, пахмулу уланны берирге,
Джети ата бла тёрт ананы кьолундан келмез ёмюрде.

Сеирсинсенъ да энди эшитиб къой, айтама санъа,
Ол ата, ол ана хатерсиз къаты болгъанларын анъа.

Аджал садакъгъа аны иш этиб аш этдиле
Джюз кере ахсындырыб, джан тамырий кесдиле.

Кьоргъашын бузу узакъ къара булутланы
Буйрукъ бла тохдатды кенъ джашауун аны.

Чырагъын джукълатды ууу аджаллы джеллени
Суукъ, кьаранъы басды джырчыны джансыз тёнъегин.

Агъашчы балтасын алыб бузджюреклики
Аны джашау бачхасындан кесди терекни.

Аны башын да-алакат сагъышланы уясын,
Бурду джылан уягъа, джылан ёмюрню дунясы.

Булбулиу джырлатхан розача джюреги,
Ургъанын тохдатыб чыгъанакъла джиберди.

Табийгъаты чыбыкъ болуб тёнъегинден учду аны
Къыйынлыкъда джыйлайдыла кьарт, джаш да бары.

Саулай джери бюгюн сарнайды улуу орусу,
Пушкинини ёлтюрдю-деб мурдарны кьолу.

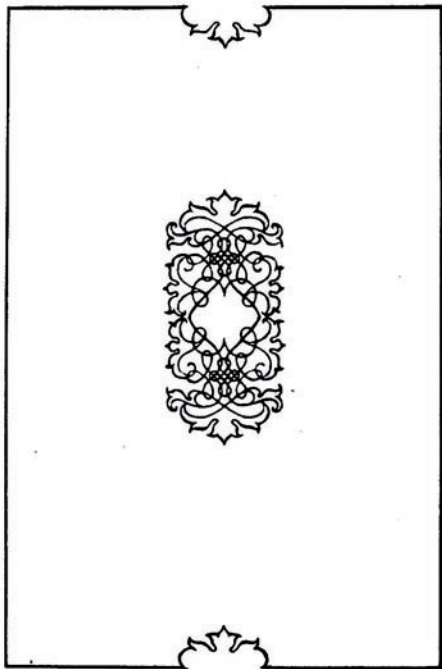
Алакат назмуларынъдан сеbeb болмады джанынъа,
Харамлыкъ этиб башлагъанларын да хыйнычыла санъа.

Айырдыла бу дуняда теньлеринъден ёмюрлюкге,
Минк кёкде аллах джумушасын сеннге.

Тылпыулары Бахчасарайда эки розинъы,
Джаз джелде фонтан болуб инакъларла обанъы.

Кавказ чал болгъанды хапарынъы эшитиб,
Сабухинни назмуларын юсюн къара кииб.

**Әлавәләр
Приложения**

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

ВОСПОМИНАН. ПУШКИНА

Не предавая очей сну, сидел я ночь и говорил сердцу:
о рудник жемчуга тайн!

Что случилось, что соловей цветника твоего отстал от
песен? Что случилось, что попугай красноречия твоего
замолк?

Что случилось, что путь витийства твоего загражден?
Что случилось, что гонец мечты твоей остановился?

Взгляни, наступила весна: все растения, будто девы,
величаются красотой и прелестью.

Берега ручейков на лугу усеялись фиалками; разцве-
ла почка огнистая на кусту розовом цветника;

Степь изукрашена, как невеста; подол нагорья напол-
нен цветами, как драгоценностями для осыпания её.

Увенчанное цветами дерево, как царь, стоит в саду
с невозмущаемою важностью.

Лилия и ясмин, как вельможи, в честь его пьют вино
росы из чашечек тюльпана.

Так изукрашен луг ясминнами, что от зренья на него
помутились очи упоенного нарцисса.

Приветствующий соловей подносит гуляющим, будто
дар, в клюве листок розы.

Готово облако оросить цветник водою; к нему зефир
приносит благоуханье.

Нежным голосом поют по утру птицы: о красавица
зелень! выходи из-под покровы праха.

Всё существующее нечуждо какого либо искусства;
от всего есть приношение на этом торжище:

Одни очаровательною красотой, пленительными
взглядами величается; другой стенанием изъясняет лю-
бовь свою.

Все ныне в наслаждении и веселии проводит время
все, распростившись с печалюю.

Все, кроме тебя, сердце мое! Не участвуешь ты в радости и восторге, не просылаешься из безмолвия!

В сердце твоём нет склонности, в голове любви ни к кому; далеко ты от страсти к славе и от мечты Поэзии.

Не ты ли тоже самое сердце, которое, погружаясь в море мыслей для стихов, подобных жемчужинам царским.

Давало нити сих перлов на украшение ланит тысяче-игривым выражениям, будто девам.

Теперь не знаю, откуда печаль твоя? теперь к чему ты сокрушаешься и унижаешься, как плакальщица похоронная?

Оно отвечало: о сотоварищ в моем уединении! теперь оставь меня самому себе.

Если бы, как красавиц луга, я не знало, что за ветром весенним следует бурный вихрь осени:

Знай, тогда опоясало-б я мечём языка стан гусара-Поэзии на славную борьбу в сей войне.

Но мне уже известны вероломство судьбы, конец мой и жестокость этой изменницы.

Нет ума в той птице, которая, видев своими глазами сеть, опять для зерна подвергается беде.

Гром славы, отклики доблести считай эхом внутри сего вращающегося свода.

Не говори о мечте: я уже знаю, чем это кривоходящее небо награждает питомцев её.

Разве ты, неведающий мира! разве не слышал о Пушкине, главе собора Поэтов;

О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов, когда он игриво изливал свои мечтания; О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять близину свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу её?

В мечтах его, как в движениях павлина, являлись тысячи дивных цветов Литературы.

Ломоносов красую генія украсил обитель Поэзии, но его (Пушкина) мечта в ней утвердилась.

Хотя Державин завоевал державу Литературы, но для управления и устройства её избран он (Пушкин).

45 Душа его как птица влетела, из
туча его душа из запада и восток
старая и новая суровость с не-
гадно и горестно

46 Россия во скорби восклицает от
Оубавити духом истреблен иудей иудей

47 Отрок! не смей тебя смехом
Кайротскому зной степей Кордунки
Минимом твоим.

48 Ты удрался от земной души, да
Душа в небесах удралась твоих
Сим сердцем Державина

49 Француз из Бельгии-град посылит
Трагю твою от веселости земли
Примь благодарная души Державина

50 Сирота Эдвардский Кавказ влетел
Сильнее от тоски твои отогнать
В отголоски Державина.

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

РОБЕРТОВАНА Ж. ПЛОМЯ

Карамзин наполнил чашу вином знания: он (Пушкин) выпил вино сей наполненной чаши.

Распространилась слава его гения по Европе, как могущество и величие Николая от Китая до Татарии.

По светлому уму своего был он образцом на Севере, подобно молодой луне, которой вид дорог Востоку.

Такого быстро-постигающего сына, такого даровитого сына не рождали четыре матери от семи отцов.

Теперь с удивлением слушаю от меня, что сии родители не устыдились быть к нему жестокими;

Прицелились в него стрелою смерти, безжалостно прекращая дни его.

Черное облако, по повелению их, одною градиною побило плод дерева его жизни.

Жестокий ветер смерти потушил светильник его души; тело его, как терем, стало мрачно.

Сей старый садовник секиркою безжалостною срубил его стан, как молодую ветвь с террасы сего цветника.

Голова его, в которой хранилось сокровище ума, сделалась, чрез рик змеинравный, жилищем змеи.

Из праха сердца, подобного почке, в котором воспевал соловей его гения, ныне растет терн.

Душа его, как птица, вылетела из тела его, как из гнезда, и всех старых и малых сдружила с горестию.

Россия в скорби и печали восклицает о нем: о жертва смерти!

Так! не спас тебя от оков колдовства этой старой чаровницы талисман твой.

Ты удалился от земных друзей, да будет в небесах твоим милосердие Божие!

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему с веником зефиром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый, Кавказ, отвечает на песни твои стоном в стихах Сабугия.

Не предавая очей сну, сидел я в темную ночь и говорил своему сердцу: О, родник жемчужин тайны! Отчего забыл песни соловей цветника твоего? Отчего замолк попугай твоего красноречия?

Отчего сталось, что залал путь твоей поэзии? Отчего сталось, что гонец мечтаний твоих остановился?

Взгляни кругом — наступила весна, и все растения красуются юной прелестью, словно девы! Берега ручейков, бегущих по лугу, подернулись фиалками. Огненные почки розы вспыхнули в цветниках. Степь изукрашена как невеста: угорье, мнится, собрало все цветы в полу свою, чтобы осыпать ее ими, как драгоценными камнями.

В невозмутимом величии, в короне цветов, как царь, возвышается дерево посреди сада, а лилия и ясмин, будто вельможи, пьют в честь его росу из чашечек тюльпана.

Луг до того ярко блещет ясьминами, что от взора на него помутились очи упоенного нарцисса. Приветливый соловей несет в дар гостю листик розы.

Готово облако обрызнуть цветок дождем, а ветерок — отдать ему свое благоухание.

Сладко поют птички: красавица-зелень, прогляни из-под фаты праха!

Все живое знакомо с каким-нибудь искусством — от каждого есть приношение на торжище природы.

Одно величается красотой или шленительными взорами, другое — стенанием выражает любовь свою. Все теперь наслаждается и веселится, распростившись с печалью.

Все, кроме тебя, сердце мое. Не участник ты в общей радости и восторге: не просыпаешься ты из безмолвия.

И в глубине твоей нет ни к чему склонности, нет ни к кому любви. Далеко ты от страсти к славе и от мечты поэзии.

Разве ты не то самое сердце, что погружалось в море мыслей, на ловлю стихов, подобных жемчужинам царским, и дарило целые нити их, в украшение тысячам игривых выражений, будто красавицам?

Откуда же теперь печаль твоя? Не знаю. Для чего теперь ты стенаешь и сокрушаешься, как плакальщица похоронная?

Отвечало на это сердце: Товарищ моего одиночества, оставь меня теперь самому себе.

Если б я, наравне с красавицами дуга, не ведало, что за вешним ветерком дуют вихри осенние — о, тогда я препоясало бы мечом слова стан наездника поэзии на славную битву; но мне знакомо вероломство судьбы и жестокость этой изменницы. Я предвижу конец мой.

Безумна птица, которая, однажды увидев сеть своими глазами, для зерна вновь летит на опасность!

Что такое гром славы, что такое хвала за доблести, как не отклики звуков внутри этого коловратного свода! Не говори мне о поэзии! Я не знаю, чем это небо награждает своих поклонников.

Разве ты, чуждый миру, не слышал о Пушкине. о главе собора поэтов? О том Пушкине, которому столько гремела хвала со всех концов света, за его игриво текущие песнопения! О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице её!

В мечтаниях его, как в движении павлина, являлись тысячи радужных отливов словесности.

Ломоносов красотою гения украсил обитель поэзии — мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии — но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши. Разошлась слава его

из Европы, как могущество царское — от Китая до Тартарии.

Светлотою ума был он любимцем Севера, так как взор молодой луны драгоценен востоку.

Такого остроумного, такого даровитого сына не рождали доселе четыре матери от семи отцов (т. е. стихии и семь небес).

С удивлением теперь внимай мне: эти родители не успелись быть к нему жестокосердны.

Принаделись в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия. Черная туча, по воле их, одною градной побила плод его жизни. Грозный ветер гибели потушил светильник его души. Как тюрьма, стало мрачно его тело.

Старый садовник — свет пересек его стан безжалостною секирой, как юную ветку своего цветника.

Глава его, в которой таился клад ума, волей змея-нравного рока стала виталищем змей. Из сердца, подобно розе, в которой пел соловей его гения, расгут теперь тернии. Будто птица из гнезда, упорхнула душа его — и все, стар и млад, сдружилось с горестью. Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: Убитый злодейской рукою разбойника мира!

Итак, не спас тебя от оков колдовства этой старой волшебницы-судьбы, талисман твой! Удалился ты от земных друзей своих — да будет же тебе в небе другом милосердие Божие! Бахчисарайский фонтан шлет тебе с весенним зефиром благоухание двух роз твоих. Седовласый старец — Кавказ отвечает на песнопения твои стоном в стихах Сабухия.

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

ВОСТАНОВЛЕНАЯ ПЛОЗМА

В темную ночь, глаз сну не предавая,
Я сердцу своему с тоскою говорил:
О, сердце, ты родник жемчужин тайны.
Отчего соловей забыл сладкие песни
Твоего цветника? Отчего поугай
Твоего красноречья замолк? Отчего
Путь поэзии словно запад, и гонец
Твоих вечных и сладких мечтаний
На месте, как вкопаный встал?
Взгляни кругом... Весна в права вступила,
И словно дева прелестью своей
Красуются кругом расцветшие растения,
Фиалками обрызганы берега
Бегущих лугом чистых ручейков;
И почки роз огнистых, вспыхнув,
Готовы распуститься в цветниках.
Вся степь украшена цветами, как невеста;
Они, как камни драгоценные, блистают.
Смотри, в величии своем невозмутимым,
В короне из листьев, как царь, среди сада
Возвысилось древо. Вокруг него
Жасмин и лилия — садов вельможи —
В честь своего царя из чашечек тюльпана
Пьют ароматную росу... Луг блещет,
И звонки песни птиц... Все радостью и светом
Сияет здесь, простившись с печалью.
Все, что живет, приносит дар природе...
А ты... Ты, сердце! Что же ты молчишь?
И к общей радости, к общему восторгу
Относишься с безмолвием тоскливым?
Ужели в глубине твоей нет чувства,

Нет склонности, нет радостей любви,
Ужель ты далеко от страсти к славе,
И от поэзии мечты твои далеки?
Ты то же сердце, что с такою страстью
Бросалось в море мыслей и ловило
В нем чудный стих, жемчужине подобный,
Сбирая те жемчужины, низало
Ты нити целые и радостно дарило
Природе их и красоте природы:
Дарило женщины... Жемчужин дивных нити
Стихами назывались... Блеск жемчужин
Равнялся тысячам игривых выражений,
Рассеянных в словах... Скажи, откуда
Печаль твоя?.. О чем, скажи, ты стоишь
И сокрушаешься, как мать по сыне?
Отвечало мне на это сердце:
Оставь меня, товарищ дорогой мой,
Одно хочу — с своей тоской остаться...
О, если бы не видало я также,
Как все красавицы леса, дуга, сада,
Что за весенним ветерком есть также
Ветра осенние! Мечом священным слез
Я б препоясала наездника лихого
И в битву честную — велика в слове сила —
Благословив, его б не отпустила.
Но мне судьбы знакомо вероломство
И знаю я изменницы жестокость,
И свой конец я хорошо предвижу.
Мы назовем всегда безумной птицу,
Что зрела сеть и вновь слетает к корму,
Грозящему опасностью для жизни!
Скажи мне, что в сем мире значит слава,
Что значит доблестям высокая хвала?
Беззвучный отклик звуков в поднебесной
Под этим коловратным сводом неба.
К чему мне петь его, когда я знаю,
Какой наградой грозит оно поющим
Его поклонникам?

О Пушкине слышал ты?
Он был главою собора всех поэтов,
Ему хвала стократная гремела,

Со всех концов великие вселенной,
А песнь его, свободно и игриво
Бежавшая из сердца родника,
Так упоила всех своей живого влагой.
Бумага жаждала утратить свою близину,
Лишь только б лик ее исчерчен был
Рукою вдохновенного поэта.
Его мечты — движения павлина —
Являли радугу блестящих слов и мыслей.
Поэзии обитель — Ломоносова
Украшил лишь, а Пушкин водворился
В обители. Поэт Державин славный
Завоевал поэзии державу.
Но Пушкин!.. Он был избран властелином
Святой поэзии и избран был им свыше.
Наполнил чашу знания Карамзин
И Пушкин выпил знания этих чашу.
Ум светлый Пушкина любимым был
На севере на столько ж, как на юге
Лик молодой Луны нам драгоценен,
Четыре стихии и семь небес доселе
Такого сына не рождали миру.
Так слушай же теперь и содрогайся:
Четыре матери и семь его отцов
Не устыдились быть жестокосерды
И смертною стрелой прицелившись в него,
В миг корень бытия его исторгли
Из черной тучи градина одна
По воле их побила жизни плот,
И грозный ветер, дунув, потушил
На век души его светильник чудный.
Мрачней тюрьмы поэта тело стало.
Садовник старый — «свет», — безжалостно секирой
Стан пересек его. Упала ветка
Живая, полная, покрытая листвою,
Готовая плодами разродиться.
В главе его, где клад ума таился,
Теперь по воле рока вьются змеи,
В его любвеобильном, чудном сердце,
Которое подобно было розе,
Где гения-поэта соловей

Пел песни чудные, теперь, увы, оттуда
Растут лишь тернии. Как птица из гнезда,
Его душа святая упорхнула,
И вместе, стар и млад, слились в печали,
Сдружились крепко горестью единой.
Скорбит Россия, все скорбит народы
И в воздыхании и в скорби восклицают:
— Убит! Убит! Злодейскою рукою
Убил его разбойник мира! —
Итак, не спасся ты от злой и старой
Волшебницы-судьбы... Твой талисман
Не мог разрушить колдовства оковы.
Ушел навеки ты от земных друзей,
Но в небе встретишь ты, поэт великий,
Другую дружбу — милосерда Бога!
И будет слать тебе с весны зефиром
Благоухание двух роз твоих фонтан
Бахчисарая, столь тобой воспетый
И песнопения твои глубоким стеном
Вспмянет среброкудрий, чудный старец,
Тобой любимый и тобой воспетый,
Седой Кавказ!..
Прими же стон сердечный,
Прими крик сердца моего, Великий,
Глава собора всех земных поэтов!

А.С. ПУШКИНИН ӨЛҮМҮНӨ

ШӘРҖ ПОВЕЩАБЫ

Көзләримдән јуху гачмыш, мәни боғмагда хәјәл,
Дүшүнән бејнимн сармыш јенә бир гәмли суал:
Нијә солмүш о чәмәнләр ки, өтүшмүш гушлар?
Јохса көјләрдә дәрин, пардалди бир һикмәт вар?
Нијә ше'рин јолу бағланды? Сабәб һәккәт,
О күнәш батдымы, сәнәт күлдә дүшдү ләкә?
Бир нәзәр сал, нә гәдәр шөвг вар әләмдә көзәл!
Бу табият нә гәдәр назлыдыр, һәр дәмдә көзәл!
Ишвәли, назлы сәнәм шивәси көрмәк мүмкүн,
Гапаныб шаиримнн көзләри, ејвәһ, бу күн!
Лакин ахмагда сулар, бәрг верир бағ, чәмән,
Јенә мин дүрдү сәдә кәлимәдә һәр бир дәрәдән.
Ачылыб гөнчә, гызыл күл дә күлүстанда күлүр,
Назланан јасәмәнин телләри бәзән төкүлүр.
Чөл көчән гызлара бәнзәр, бәзәниб санки кәлини,
Тәпәләр әтрини јығмыш әтәјә гөнчәләрин.
Санки әл'ан чәвәһирләри әтрафа сәләр,
Чансыза чан верир һәр сәмти саран мәнзәрәләр.
Шаһ кими багда чөләк һахмыш ағачлар учалыр,
Көјләрә јетмәк үчүн санки шәфәрдән өч алыр.
Гызаран, бағры гара лалә дә меј ичмәдә, бах,
Нүчәба нәсли кими бадә көтүрмүш занбағ.
Күлләрин сағлыгына бадәни шәбнәмдән ичир,
Чохуна нәш'әли бир көз вурараг кендән ичир.
Һәр тәрәф шөвглү, алмас кими нурланымшыдыр,
Нәркизин көзләри мәнстанә хумарланымшыдыр.
Лакин, әфсус ки, дујур гәлб, вәфәсыз фәләјин
Вә бу хани, ганичән зүлмкарын һәр кәләјин.
Чәрхи-дөвран дәјишир, һәр нә олур көз гојурам,
Мән дә сон күнләримнн јетдәјинки, бил, дујурам.
Өз көзүлә тору көрмүш, ора дүшмүш бир гуш

Тәкчә бир бутдә үчүн кәһбәсә ејләрми учуш?
Јаралы көксүнү бүлбүл дә вуруб бир будаға,
Бир гызыл күл варағы бәхш сәләјир һәр гонаға.
Дурр јығыб көјдә булуд һазлы күлүстанә сәлпир,
Титрәшән инчә күләкләр јазыр әтрафа әтир.
Өтүшән бүлбүлә, көјләрдә сүзән гушлара бах,
Онларын чәһ-чәһинә, нәғмәсинә вер дә гулаг:
Көр нечә чанлыларын инчәлији, шивәси вар,
Һәрәјә бир чүрә гијмәт верир, әлбәттә, базар.
Совуруб көјләрә һәр шеј кәдәри, гүссәни, бах,
Тәк мәним гәлбин узағ, нәш'әли јерләрдән узағ.

Еј кенүл, шадлыға бах, байрам едир чүмлә чәһан,
Сәни бу нәш'әли чағларда нечин сарды думан?!
Еј кенүл, мирвары мисралары, јағут ше'ри,
Тәзә көчмүш гызә бәнзәр о зәбәрчәд ше'ри
Баш вуруб тутмағ үчүн далғалы дәрјәја чуман,
Һәр кичик сәсдә дә мин дүрүл малаһәт доғуран,

Сөзләри инчи кими сөзләрин ардынча дүзән,
Сән'әтин руһуна нурлар әләјән гәлбсән сән.
Билмирәм гүссәни, еј дил, сәнә ким вермиш, ким?
Ше'рдән башға дә руһу сарачағ бир һаким,
Наләјә, дәрдә салан өзкә бир һикмәтми олар?!
Динләјин гәлбини, ондан сизә беш-үч сөз вар:
Дәрдимнн јазмағ үчүн чатмајачағ бәлкә варағ,
Шаирим, достум, әзизим, мәни јалнызча бурах.
Мән дә кар күл чәмәни сәјрә чыхан бир кәпәнәк
Кими, туфанда сәнән вахтымы һеч билмәјчәк
Олса идим, о заман шанлы дөјүш күнләринә,
Кәлмәдән одлу гылычлар јапарағ сөз јеринә
Гәлбини чулғалајан нәләләри дағлар идим,
Ону ше'р атлысыннн өз беллиңә бағлар идим.
О рәшадат, о шүчаат, о икидлик, о һүнәр
Фәләјин әмринә садигми гәлыб верди зәрәр?!
Унутуб ше'рини, јүксәкләрә галх, ејлә нәзәр,
Көр нечә төһфә верир дилбәринә бош көјләр.
Алышыб јандым, а залым, мәни сарсытмада кин:
Ше'рләр мәчлисиннн көвһәри шаир Пушкин,
Елә Пушкин ки, бүтүн дағм онун нәғмәсинә
Афәриниләр дејә, гојумшуду алғын зирвәсинә!
Елә Пушкин ки, она көјдә булудлар дә јаныр:
Ағ вәрағләр бәзәниб ондакы сәнәтлә јаныр.
Бир тоғуз чилвәсиннн рәнкә дүшән пәрләри тәк,
О ше'р бағчасына инчи сәпармиш керчәк.

А.С. ПУШКИНИН ӨЛҮМҮНӨ

ШАРГ ТӨГӨМАБЫ

Ломоносов кәтирәкән сәнәтә һүснү дүһа,
Пушкинини нурлу хәялы ора гоммуш. Әчәба
Ше'рләр сәлтәнәти Державина көйләрдән
Ким имиш һөкм алараг бир јени һаким кәсилән.
Билији, елми Карамзин да әзәлдән сечмиш,
Бир шәраб бадәси јапмыш, ону Пушкин ичмиш.
Сәдди-Чиндән Татарыстанә гәдәр чар әли вар,
Лакин ол шаирин аләмдә јанан мәш'әли вар.
Шәрг тәшбиһ едәркән көзәли бир һилала,
О да өз нурлу зәкасилә күнәшдир шимала.

Белә бир хилгәти һеч дөрд ана, једди атадан
Догмамыш Бөјлә дүһа көрмәмиш әсла јарадан.
Аман, һејрәт бүрүдү, сарды мәни, динләјиниз,
Сөзләрим далғалы, вулканлы вә аташли дәннiz.
Дөрд ана, једди ата оглуна гыјмыш, һејһат!..

Она рәһм ејләмәмиш, мум кими сөнмүш о һәјат!
Онлара диз чөкәрәк бир долу алмыш да булуд,
Бар верән бир ағачы јерләрә салмыш да булуд.
Аман, аһ, башга фәләкәт, даһа гохунч бир әмәл,
Гаралы, һәр чүрә туфанә дөзән бир мәш'әл!
Јардым, ејваһ, гоча бағбан да тәбәрзинлә кәсир
Бир фидан өмрүнү ки, зүлмәтә олмушдур әсир!
Ше'рләр хәзинәси ол баш јерә дүшмүш, солмуш,
Бир гара күрзә илан чисминә мәскән олмуш.
Бүлбүлә нәш'ә верән рәнкли чичәкләр саралыр,
Шаирин гәлбимидир орда тикәнләр гаралыр?!
Г'уш кими учду онун руһу узаг јерләрдә...

Инди кәнчләр, гочалар дәрдә тутулмуш, дәрдә...
Русија дал-фәған илә суал етиди јенә:
«Нә үчүн гулду әлиндән бу тәбиәт дә сәнә
Бир хиласкар ана гәлбилә аман вермәди, аһ!»
Достумуз кетди о дүнијә, көмәк ет, аллаһ!
Кет, әзиз шаирин, еј дәрдә салан дүнијаны,
Сәнә күл көндәрәчәк «Бағчасарај фантананы».
Еј Сәбуһи, гоча Гафгазда битән күлләри дәр,
Јаралы ше'ринә гат, Пушкинә көндәр, көндәр!

Көзләримдән јухуму говараг ичин-ичин
Гаранлыглы бир кечә гәлбимә сордум: кечин
Күлшәнинни бүлбүлү унутду нәгмәсини,
Бәләгәт тутин кәсди ничә, дилбәр әссини?
Сөјлә, сөз дүзмәк јолун, сөјлә нәдән гапанды?
Нолду хијал гәсидин кедишиндән дајанды?
Еј көнүл! Еј сиррләр көһәрнинни мәдәни,
Бир нәзәр гыл әтрафа, динлә һејрәтлә мәни.
Бах, булур, кәлмиш баһар!

Чичәкләр бәзәмәклә едир ешгини изһар.
Булагларын кәнары дөнмүш бир лаләзәра.
Вурулмамаг олармы күлән бу хош күлзәра?
Дағларын әтәкләри ачышы чаһаһир кими
Әлван рәнкли чичәкләр,
Көзәллијини кәлини ишинә маһир кими,
Ачылан гөнчәләрдән әтрафына сәпәләр.
Бах, о јанда бир ағач
Чичәкдән кејиниб тач,
Әзәмәтлә учалыр;
Шад көрүнүр чәмәнләр,
Бу шаһын сағлыгына
Занбағлар, јасәмәнләр,

Лалә гәдәһләриндән шәбнәм ичир, зөвг алыр.
Чәмәндә јасәмәнләр парлајыр күмүш кими.
Гаранлыглар ичиндә бир алмас көрмүш кими
Хумар көзлү нәркизин көзләри гамашыр, бах!
Бу јанда назлы бүлбүл атылыр будаг-будаг.
Ону сејр едәнләрә, одур, хош кәлсин дејә,
Тутмуш күл јарпағындан димдјиндә һәдијјә.
Агаран булудларын көзләри јашла долмуш,
Бу күлшәнә, бу баға

Хош атирләр сачмага,
Эсән сәһәр желләри санки бир эттар олмуш.
Бүрүмүш чәмәләри севдалы, назлы сәсләр,
Һәлә гушлар достуну, динлә, бир нечә сәсләр;
— Еј җашыллыг никары!
Еј сәбәзәватни җары,
Торпагың чадарасыңдан башыны галдырсана!
Надир сәбәб җасына?
Бу дүңҗә базарында,
Бу һәјәт күләрында
Јашајан һәр чанлының мәтаы вар, вары вар!
Бири фүсункар көзләү бахшыҗла учалар.
Бири тәрәннүм едәр ешгиңни һаләсилә,
Сулајар күлүстаны көзүңүн җаләсилә
Инди һәр шеј гүссәдән әл чәкиб һәзз алмада,
Сәнсә сүкүт ичиндә рәјалара далмада,
Башында һә нискилин, һә дә һәјәт ешги вар.
Сән ше'р аләминдән бүсбүтүн олдун кәнар!
Сән парлаг дүррә бәһзәр, көзәл нәзмләр гуран,
Фикир дәннәзләринә һәр дәгигә баш гуран
Мәһзүм көвһәрләринлә о мә'налар ғызының,
Ше'риҗәт улдузуну
Үзүңә зиҗәт верән,
Шад көнүл дејилмисән?..
Инди бир җаслы кими нәдәндир кәдәрлिसән;
Гәлбим белә сөјләди,
Кәлди дилә сөјләди:
— Еј тәһһалыг җолдашым!
Бурах мәни башыма!..
Мәкәр сән билмәјирсән, сәбәб һә, көз җашыма?!
Әкәр мән дә чәмәнин о гаҗысыз көзәли,
Рәнки алван, мәзәли
Кәпәңәҗи олсајдым,
Саралсајдым, солсајдым .
Билмәсәјдим паызда ачы желләр әзәчәк,
Баһар күләкларинин үмидини кәсәчәк,
Онда, сөз ғылыңчыны шәрәфли вуруш үчүн,
Сән'әт зирвәләриндә мәрданә дуруш үчүн
Ше'риҗәт атлысының белинә баглајардым.
Онда, һә дәрә чәкәрдим, һә дә ки, ағлајардым.
Фәһгәт, мән нәләјим ки, тәләјимни сонуну
Бу ач көзләү дүңҗаның вәфәсыз олдугуну
Көзләримлә көрүрәм, һәр шеј әјәндир мәнә,

Өз көзүлә тор көрүб тәһлүкәҗә учан гуш,
Ја бүлбүл, ја гарангуш
Ағылсыздыр алданса тора сәһилмиш дәнә,
Шөһрәт курултулары, икидлик мәдһләри,
Бир сән дә кәл ирәли.
Сөјлә чәрхи-фәләҗин әкси дејилин буилар?!
Мәнә хәјәл сөјләмә, хәјәлдә мә'намы вар?
Мән билирәм көјләрин өз пәрәстишкарына,
Сөз пәрәстишкарына
Вердиҗи төһфәсини,
Кәл бу дилсиз көјләрин ешитмә сән сәкин.
Еј дүңҗадан биһәбар, сөјлә көрүм, мәкәр сән
Бир шеј ешитмәмисән
Шаврләр мәчлисинин о бөјүк башчысыңдан?
О Пушкин ки, ше'рдә нәгшләр гуран заман
Афәрин олсун! — дејә
Елләрин чән евиндә бәсләнәр, охунарды,
Бу бөјүк сәнәтқара, олмаг үчүн һәдиҗә
Көнүлләр бағчасында мин чәләк тохунарды,
О Пушкин ки, ағ кағыз онун зәр гәләминдән,
Гәминдән, аләминдән
Гаралмаг атәшиҗлә од тутарды, жанарды,
Онда товуз мисалы мән хәјәл рәнки варды.
Аһ!.. О дәмләр, а достум, Ломоносов дејирләр
Үлви бир көзәликлә җәзыб һичә ше'рләр,
Ше'риҗәт дунҗасыны бәзәмнисә дә лакин
Пушкинини гуш һиҗалы олмуш о җердә сәкин.
Әкәр ше'р мүлкүнү Державин тутмушса да,
Пушкин чаван җашыңдан сәһиб олмуш бу ада,
Дәрин, дибсиз көјләрдән һәким җаранмыш она,
Аһ!.. һәлә Карамзинни, о биллик бәдәсини,
Дәрин ифадәсини
Пушкин алмыш әлиндән, һичбәт җетирмиш сона.
Шәрг нечә вуғрунудуур бир кечәлик һиләли,
О да истақлесиҗиди сојуг, гарлы шималы.
Онун шөһрәти, шаны җајылмышды дәрә јана
Нечә чәр һөкмдары Чиндән Татарыстана
җајылмыш; һәлә көјләр, дәрә ана, једди ата
Бу тәб'дә һисаны кәтирәмниси һәјәтә.
Утанмамыш бу ана, ар етмәмиш бу ана,
Өлүм ачы охуҗла алмыш ону нишана.
О боз-гара булудлар,
Гәлби јара булудлар

Бир долу данәсилә,
Достлуг баһанәсилә
Дөјдү өмүр бағынын
Јетишән мејвәсини,
Кәсди бөјүк шаирин
О шән, шағрағ сәсини.
Сөндү чошғун руһунун
Шәфәғ верән чырағы.
Зүлмәтләрдән дујулду
Бөјүк Пушкин сорағы,
Зәкәвәт хәзинәси о. ән зәки башында
Һәлә чаван јашында
Дөврәнни кәрдишиндән
Јува салды иланлар.
Дүһасынын бүлбүлү
Чәһчәһ вурән гәлбиндә
Дүн чырпынан, чағлајан
Бу күн дуран гәлбиндә
Битди вәһши тиканлар,
Бу ағ сачлы дүнјанын
Бағчасыны, бағыны,
Бурахыб чәмәнлији,
Тәрк едиб күлүстаны.
Өз уғурсуз әлилә,
Кәскин тәбәрзинилә
Кәсди һәјәт бағында битән чаван оудағы.
Де, һансы ана көрдү өмүр боју бу дағы?!
Онун руһу гуш кими дүнјадан учду кетди.
Гочалары, кәңчләри гәмләрә мунис етди
Будур, Русија торпағы матәм ичиндә ағлар,
Бу амансыз гатилдән үрәјиндә нөвһә вар.
Еј бу гулдуру чаһанын алчағ әлилә өлән!
Бу гоча ифритәнин о сәһирли шәрриндән
Көнүл ачан тилсимин сәни етмәди хилас,
Динлә мәни, гулаг ас:
Сән дүнја достларындан араландын, гој бары
Көјдә сәнә јар олсун,
Учан руһуна долсун
Аллаһын мәрһәмәти, о дүнјанын илғары,
Бағчасарај фантаны сәнә бир чүт күлүндән,
Бағчасарај елиндән,
Хош әтирләр көндәрир баһарын дан јелилә.

Гоча, ағ башлы Гафғаз,
Көзләри јашлы Гафғаз
Бу хәбәрлә ағлајыр,
Сәнә матәм сахлајыр
Сәбуһинни ше'ријлә!..

А.С. ПУШКИНИН ӨЛҮМҮНЭ

УШЭР ПӨЕМЭБИ

Отурмушам, кечәдир, зүлмәтә батыб аләм,
Дедим бу гәлбимә: «Еј сирр сахлајан һәмдәм,
Нә олду күлшәнинин бүлбүлү галыбдыр мат.
Кәлам тутинә нолду, дил ачмајыр, һејһат?!
Нә олду тәбина ки, сәнәтә јахын дурмаз,
Хәјал гушун нә үчүн бир дә етмајир пәрваз?
Баһар калди, будур, ачды үз чәмән көзәли,
Верәр чамалына зинәт тәбиәтин өз әли.
Бәнәфшә илә долубдур чәмәнәдә чај канары,
Бах, одлу гөн ә тутубдур тамак күлзары.
Бәзәнди чөл кәлини, һүснүнә шабаш олараг,
Төкүб әтәкләринә күлдән иничиләр һәр даг.
Баг ичрә тахтада отурмуш јенә вүгарла ағач,
Гојуб баша нечә көр шаһ кими чичәкдән тач.
Ону да сағлыгына бада галдырыб сүсән,
Пижалә-лалә, шорәб исә жаләдир бил сән.
Ачыб чәмәнәдә чәлал илә јасәмән мәчлис,
Она бәхыб даһа да мәст олур хумар нәркис.
«Баһар кәлди» дејиб димдијиндә тутмуш күл,
Бу мәчлисә кәләнә төһфәләр вәйр булбүл.
Булул дуруб су сәнар күлшән үстә бағбан тәк,
Сәһәр нәсимми әтирләр чиләр она күләрәк.
Күнәш чыханда көзәл нәғмәләр охур һәр гуш.
Дејәр чәмән көзәли галх, ојан, сабаһ олмуш.
Нәрә әлиндә мәтан чыхыб бу базарә,
Бу јердә јох әлибош, бир һүнәрсиз аварә.
Бириндә руһә фәрәһ бәхш едән ләтафәт вар,
Бирнә фәғанә кәлиб ешгини едәр изһар.
Һамы чалыб-чағрыр, јох көнүлдә гүссә вә гәм,
Нә шадиман кечирир вахтынә бүтүн аләм!
Көнүл! Фәгәт сәнә нәләмш кәнарда галмышсан.

Сүкут ичиндә кәдәрлә хәјалә далмышсан,
Нә вар үрәкдә һәвәс, башда бир никар ешги,
Нә ше'рә зөвг галыбдыр, нә ифтихар ешги.
О маһир үзкүчү гәлбим мәкәр дејилсән сән,
Сөз ичмәси чыхарардын хәјал бәһриндән?
О иничиләрлә бәзәрдин мин ешг дилбәрнини,
Тәмиз вә бакирә галмыш ше'р көзәлләрнини.
Нә олду инди сәнә, бу нә гүссәдир, нә әләм?
Нечин вүчүдуну сармыш гәрибә бир матәм?!»
Чаваб верди көнүл: «Еј јекәнә муниси-чан,
Мәни бурах башыма, јох бу дәрдә бир дәрман.
Чәмән көзәлләри тәк мән дә билмәсәјдим ки,
Баһар нәсимни далынча әсир хәзән күләји,
Гылынч едиб дилими сөз аты чапардым бил,
Бу дүнјадә мән олардым һәр арзума наил.
Нә ејләјим, билирәм тәрсинә дөнүр дүнја,
Заманәдә нә вәфа вар, нә дә бу өмрә вәфа.
О гуш ағыллы сәјылмаз ки, торда данә көрә,
Бөјүк һәвәслә јенә данәјә тәрәф јүкүрә.
Һүнәр сәдасы вә шөһрәт сәсинә сал да нәзәр,
Бу дөвр едән көјүн алтында һәј-күјә бәнзәр.
Өзүнә гүррәләниб чох да ифтихар етмә,
Өз әһлиня кәч олан дөврә е'тибар етмә!
Мәкәр сән еј бу чаһандан хәбәрсиз, еј мискин,
Ешитмәдинми ки, шаирләрин башы Пушкин,
О Пушкини дејирәм ше'рә дил ачанда һәмән,
Дејәрди һәр ешидән јүз јол афәрин, әһсән.
О Пушкини дејирәм, ағ кағыз чәкиб аләм,
Дејәрди каш үзүмдән салајды јол гәләми.
Ону хәјалы тавус тәк ачанда шөһпәрнини.
Сәпәрди әләмә мин нағшә сөз кәһәрләрнини.
Ше'р евин Ломоносов јаратды чох пәркар,
Ону хәјалы фәгәт тутду бу сарајда гарар.
Тутубса сөз дијарын сәнәтилә Державини,
Бу ше'р өлкәсинин һакими олуб Пушкин.
Кәрамзин алды әлә арифанә бир бада,
Бу чәкди баша ону өз әһилә дүнјадә.
Фәзиләти Николај тәк тутубдур өлкәләри,
Танынды чүмлә-чаһанда о шаирин һүнәри.
Нишан верир ону һәр кәш шималдә бармагла,
Нечә ки, Шәрғдә бахарлар һәвәслә тазә ајә.
Ағылда бөјлә огул, тәби-ше'рдә белә чәш,
Доғуламмыш һәлә једди ата вә дөрд анадан.

Тәэччүб етмә әжәр сөйләсәм, бу једдн ата,
Она хәјәнәт илә етдиләр јаманча хәта.
Өлүм охујла вуруб гыздылар әзиз чанына,
Аман ки, торпагы гәрг етдиләр гызчл ганына.
Гара булуд долу төкдү заманын әмри илә,
Онун һәјәт ағачындан барыны верди јелә. -
Әчәл гасыргасы сөндүрдү руһунун шамыны,
Гаралтды чисми ичиндә ишығлы илһамыны.
Алыб әлә гоча бағбан ситәмли тишәсини,
Бу иочаван фиданын газды бағда ришәсини.
Башында варды онун мәналар бусаты, аман,
Илан јувасына дөндәрди бу башы дөвран.
Хәјәл бүлбүлү чәһ-чәһ вурарды гәлби үчүн,
О гөнчә үстә тиканлар битиб тамам бу күн.
Учуб бәдән јувасындан о чан гушу бил сән.
Батар јаса бу ағыр мачараны һәр ешидан.
Гәмә батыб нечә рус торпагы едир фәрјад,
Дејир сәни нечә алды әлимдән ол чәллад.
Тилсимләрин дә хилас етмәди сәни де нәдән,
Бу сәһркар гарынын һижлә вә ријасиндән?
Узагда галдын әжәр достларындан, еј сәрдар,
Сәмада гој сәнә даим һәгигәт олсун јар.
О мүлки — «Бағчасарај»да булаг мүдам ағлар,
Ики күл әтри сәпәр габриңә насими-бахар.
Көрүб ше'рләрини сачы ағ гоча Гағгаз,
«Сәбуһи» ше'ри илә ағлајыб тутар сәнә јас.

МҮНДӘРИЧАТ

Мүгәддимә (азәрбајчан дилиндә)	5
Мүгәддимә (рус дилиндә)	9
«Шәрг тәкмәси» (пәсманнн орижиналы)	15
» » азәрбајчан дилиндә (тәрчүмәси М. Мүшфи- гиндир)	26
» » рус дилиндә (тәрчүмәси П. Антоколскинин- дир)	29
» » украиня дилиндә (тәрчүмәси И. Гончаренко- нундур)	33
» » белорус дилиндә (тәрчүмәси И. Семәжонун- дур)	36
» » азбәк дилиндә (тәрчүмәси М. Шејхзадзинин- дир)	40
» » түркмән дилиндә (тәрчүмәси М. Сејидовун- дур)	43
» » тачик дилиндә (тәрчүмәси К. Ајнинин, К. Кәлдининдир)	47
» » гәзәх дилиндә (тәрчүмәси К. Мурзалијевин- дир)	50
» » тәрғыз дилиндә (тәрчүмәси С. Чусујевиндир)	54
» » күрчү дилиндә (тәрчүмәси И. Гришавшин- ниндир)	58
» » ермәнн дилиндә (тәрчүмәси Ашот Грашинин- дир)	65
» » литва дилиндә (тәрчүмәси А. Жукаускасын- дыр)	69
» » латыш дилиндә (тәрчүмәси Ј. Ванагин- дыр)	72
» » естон дилиндә (тәрчүмәси Н. Удамминдир)	76
» » молдав дилиндә (тәрчүмәси И. Ставскаја- нындыр)	80

»	»	ујгур дилинда (тәрчүмәси Х. Хамрајевин- дир)	84
»	»	башгыра дилинда (тәрчүмәси Н. Сүндүклү- нүндүр)	87
»	»	татар дилинда (тәрчүмәси З. Нуруниндир)	90
»	»	удмурт дилинда (тәрчүмәси А. Клабуковун- дур)	94
»	»	мари дилинда (тәрчүмәси Н. Казаковундур)	98
»	»	нигуш дилинда (тәрчүмәси Ә. Ведзжиевин- дир)	102
»	»	јакут дилинда (тәрчүмәси С. Дакидовундур)	106
»	»	осетија дилинда (тәрчүмәси П. Грисиндир)	110
»	»	гарачај дилинда (тәрчүмәси М. Байчаровун- дур)	116

ӘЛВӘЛӘР

«Шәрг поэмасы»	рус дилинда (тәрчүмәси Мирзә Фәтәли Ахун- довундур)	123	
»	»	рус дилинда (тәрчүмәси М. Ф. Ахундовундур, Бестужев-Маринскинин редактәси илә)	127
»	»	рус дилинда (тәрчүмәси А. Соколовундур)	130
»	»	азәрбајчан дилинда (тәрчүмәси Ч. Хәндәнин- дыр)	134
»	»	азәрбајчан дилинда (тәрчүмәси Б. Гасымза- дәниндир)	137
»	»	азәрбајчан дилинда (тәрчүмәси М. Солтанчи- дыр)	142

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	(на азербайджанском языке)	5	
Предисловие	(на русском языке)	9	
«Восточная поэма»	(оригинал поэмы)	15	
«	«	на азербайджанском языке (перевод М. Муш- фика)	26
«	«	на русском языке (перевод П. Антокольского)	29
«	«	на укр. инском языке (перевод Н. Гончаренко)	33
«	«	на бе. русском языке: (перевод И. Семеняна)	36
«	«	на узбекском языке (перевод М. Шейзаде)	40
«	«	на туркменском языке (перевод М. Сеидова)	43
«	«	на таджикском языке (перевод К. Айни, Г. Кельды)	47
«	«	на казахском языке (перевод К. Мурзалиева)	50
«	«	на киргизском языке (перевод С. Джусуева)	54
«	«	на грузинском языке (перевод Н. Гриша- швили)	58
«	«	на армянском языке (перевод Ашота Граши)	65
«	«	на литовском языке (перевод А. Жукаускаса)	68
«	«	на латышском языке (перевод Ю. Ванага)	72
«	«	на эстонском языке (перевод Х. Удма)	76
«	«	на молдавском языке (перевод Н. Ставской)	80
«	«	на уйгурском языке (перевод Х. Хамраева)	84
«	«	на башкирском языке (перевод М. Сюндюкле)	87
«	«	на татарском языке (перевод З. Нури)	90
«	«	на удмуртском языке (перевод А. Клабу- кова)	94
«	«	на марийском языке (перевод Н. Казакова)	98
«	«	на нигушском языке (перевод А. Ведзжиева)	102
«	«	на якутском языке (перевод С. Данилова)	106
«	«	на осетинском языке (перевод П. Грис)	110
«	«	на карачаевском языке (перевод М. Байча- рова)	116

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Восточная поэма»	на русском языке (перевод Мирза Фатали Ахундова)	123
«	« на русском языке (перевод М. Ф. Ахундова, в редакции Бестужева-Марлинского)	127
«	« на русском языке (перевод А. Соколова)	130
«	« на азербайджанском языке (перевод Хандана)	133
«	« на азербайджанском языке (перевод Б. Касумзаде)	137
«	« на азербайджанском языке (перевод М. Солтана)	142

**МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ
ПУШКИНИН ӨЛҮМҮНӘ
ШӘРГ ПОЕМАСЫ**

**МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ
ВОСТОЧНАЯ ПОЭМА
НА СМЕРТЬ ПУШКИНА**

Художник В. Устинов
Технический редактор В. Огниенко
Корректор С. Алиева
ИБ № 1944

Сдано в набор 15.07.88. Подписано к печати 20.10.88. Формат бумаги 70×90^{1/2}. Бумага мелованная. Гарнитура шрифта литературная. Печать офсетная. Усл. печ. лист. 5,41. Усл. кр.-отт. 10,82.

Уч.-изд. лист. 7,6. Тираж 5000. Заказ 445.

Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство «Элм».

370143, Баку-143, проспект Нариманова, 31,
Академгородок, Главное здание.
Типография им. 26 бакинских комиссаров
Государственного комитета Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.

370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

دروقات
ابوس پیوستگین